

А. А. Кобринский

МАТЕРИАЛЫ ГРИГОРИЯ ШМЕРЕЛЬСОНА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА*

Поэт Григорий Бенедиктович Шмерельсон, чей архив хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, известен только немногим специалистам — историкам литературы. Однако уже сейчас становится понятно, что его роль в истории литературного процесса Петрограда—Ленинграда 1920-х гг. во многом превышает значение Шмерельсона-поэта, которое также очевидно занижено. Настоящий обзор призван описать и ввести в научный оборот материалы генерального секретаря «Воинствующего ордена имажинистов», хранящиеся как в РО ИРЛИ, так и в других архивных хранилищах.

1

Григорий Бенедиктович Шмерельсон родился 21 ноября (4 декабря) 1901 г. в городе Двинске Витебской губернии, в интеллигентной еврейской семье. Отец, Бенедикт¹ Григорьевич Шмерельсон, 1867 года рождения, до революции сменил много профессий: был рассыльным, конторщиком, агентом страхового общества, работал в банке. В 1900 г. семья переехала в Нижний Новгород. После революции отец Шмерельсона работал в транспортной промкооперации, а в 1933 г. ему была назначена, как бывшему ответственному работнику, персональная пенсия. Мать, Роза Ароновна, занималась воспитанием детей и вела домашнее хозяйство, умерла в 1926 г.² Семья была большая. У Григо-

* Работа подготовлена при поддержке фонда Research Support Scheme, грант № 902/1998.

¹ С 1930-х гг. Шмерельсон стал писать свое отчество «Венедиктович» и имя отца в анкетах и автобиографиях стал указывать как «Венедикт».

² «Мать — Роза Ароновна — чуткий, добрый человек, с врожденным аристократизмом духа, оказала на меня большое влияние, укрепив сознание радости жизни и предназначенности человека», — писал Шмерельсон 10 августа 1922 г. в автобиографии, адресованной Петру Яковлевичу Заволокину (Российский государственный архив литерату-

рия было три брата: Аркадий, врач; Моисей (1893—1933), ответственный работник Северо-Западного управления водного транспорта в Петрограде—Ленинграде, кандидат экономических наук; Борис, бухгалтер-экономист, и сестра Ольга (1900—?), врач-психиатр. Как писал впоследствии сам Шмерельсон, «с ранних лет родители приучали нас, детей... к трудовым навыкам и развивали в нас желание к учению».³ Однако реализовать это стремление было не так-то легко: в царской России действовала печально известная процентная норма для евреев. Несмотря на сданные на пятерки экзамены, Шмерельсона не приняли ни в губернскую гимназию, ни в реальное училище. И только счастливый случай — открытие в 1911 г. в Нижнем Новгороде частной гимназии В. П. Троицкого (впоследствии преобразованной в 1-ю общественную мужскую кооперативную гимназию) — помог мальчику стать гимназистом. В частную гимназию поступить было легче.

В гимназии Шмерельсон скоро обнаружил сильный интерес к театру и литературе. Афиши, которые он сохранил в своем архиве, фиксируют его выступления.⁴ В феврале 1916 г., будучи в 4 классе, на литературно-музыкально-вокальном вечере он читает стихи Пушкина и перевод Полонского, через 9 месяцев он участвует в гимназической постановке «Ревизора» (играет роль Почтмейстера), в феврале 1917 г. на гимназическом вечере читает Надсона («Друг мой, брат мой...»), в декабре этого же года на таком же вечере — Северянина («Поэза странностей жизни», «Весна»).

Революция застает Шмерельсона в гимназии, которая преобразуется в единую трудовую школу. Уже здесь проявились его литературно-организаторские способности. Он становится организатором рукописного гимназического журнала («Антик»), но не останавливается на этом: Шмерельсону удается наладить переписку со сверстниками из разных городов, включая Москву, издающими подобные рукописные (машинописные, гектографические и др.) издания в своих гимназиях. В журнале помещаются их произведения, организуются обзоры присылаемых Шмерельсону гимназических журналов. К гимназическому периоду относятся и его собственные первые стихотворные опыты.⁵

В последнем классе (1918/1919) он параллельно с учебой начинает посещать лекции на историко-филологическом факультете Нижегородского университета, решение об открытии которого Ученый совет принял 8 ноября 1918 г. С 9 декабря 1918 г. он стал полноправным студентом славяно-русского отделения этого факультета, называвшегося тогда «факультет общественных наук». По окончании школы⁶ он параллельно устраивается на работу в качестве помощника делопроиз-

ры и искусства, ф. 1068 (Заволокин П. Я.), оп. 1, № 188, л. 4. Далее: «Автобиография 1922» с указанием листов).

³ РО ИРЛИ, ф. 699 (Г. Б. Шмерельсон), № 83, л. 1.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 699, № 89.

⁵ «Стихи пишу с 1918 года. До этого — с 1913 г. — писал корреспонденции, статьи, заметки и пр. Печататься начал (стихи) с 1919 г.» (Автобиография 1922, л. 5).

⁶ Свидетельство об окончании 19 советской школы в Нижнем Новгороде № 597 от 8 мая 1919 г. см.: РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 6—6 об.

водителя, но работу вскоре пришлось бросить — учеба потребовала слишком много времени.⁷ Впрочем, и учебой Шмерельсон занимался не очень прилежно.⁸ Гораздо больше сил отнимала студенческая литературная деятельность, в которую он сразу же окупился с головой. Уже в мае 1919 г. он становится одним из организаторов Литературно-художественного кружка студентов Нижегородского университета, а также членом его президиума и казначеем. Шмерельсон также был одним из редакторов издававшегося типографским способом с 1921 г. студенческого двухнедельника «Мысль».⁹ Из сохранившегося в фонде первого номера¹⁰ мы узнаем, в частности, что кроме него в литературно-художественный кружок входили поэты В. Чешихина, Т. Петрова, Л. Синеокова, П. Узник (Даданов), Ив. Ермолаев, Д. Кузнецов, Евг. Моравский, П. Козин. Издавался также студенческий журнал «Метеор», проводились выставки книг, доклады, причем в работе кружка участвовали не только студенты, но и преподаватели. Так, к сезону 1919/1920 гг. относятся доклады проф. В. А. Волошинова «Многогранный индивидуум — создает мощный коллектив» и студента Г. Шмерельсона «Имажинизм».¹¹ В 1920/1921 гг. Шмерельсоном был прочитан доклад «Рыжий поэт Василий Каменский». Конечно, в двухнедельнике печатались и стихи, в том числе и самого Шмерельсона.

В 1920 г. Шмерельсон становится членом президиума и секретарем Нижегородского отделения Всероссийского союза поэтов.¹² У него

⁷ Впоследствии Шмерельсон до переезда в Петроград еще не раз будет зачислен на различные должности, дававшие ему хоть какой-то паек и заработок. В его трудовой книжке упомянуты: зав. книжным складом (1920), секретарь редакций газет «Красный Волжский флот» и «Красный Волгарь» (1920—1921), секретарь инспектора труда водного транспорта Нижегородского района Волжской области (1921), секретарь ЛИТО художественного отдела Нижгубнаротнароба (1921) (РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 7 об.—8).

⁸ Согласно удостоверению, выданному ему в 1921 г. при переезде в Петроград, а также в связи с закрытием историко-филологического факультета в Нижегородском университете, за 2,5 года Шмерельсон прослушал следующие предметы: «Введение в языковедение» и «Старославянский язык» (проф. П. А. Растаргуев), «Немецкий язык» и «Семинарий по ист<ории?> новелл<истики?>» (преп. В. Иогансон), «История литературы 19 в.» (преп. В. Л. Комарович), «Психология» (преп. Лавров). Историю искусств (Ренессанс) читал проф. В. А. Волошинов. Были у него и очень известные лекторы, так, к примеру, греческую литературу читал проф. А. Ф. Лосев. Из всех этих предметов Шмерельсон получил зачеты только по психологии и немецкому языку (последний — за полный курс) (РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 2).

⁹ В автобиографии 1922 г. Шмерельсон указал также и другие издания, которые он редактировал в Нижнем Новгороде: газета «К новой жизни» (1917), а также «Блок-нот литератора» (1920) (Автобиография 1922, л. 6).

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 699, № 35.

¹¹ Вскоре Шмерельсон переработал этот доклад, придав ему открыто полемическую направленность против имажинизма и экспрессионизма, и выступил с ним на диспуте, устроенном Нижегородским отделением Всероссийского союза поэтов 28 июня 1920 г. Доклад назывался «Задворки футуризма (имажинизм и экспрессионизм)». Черновой вариант доклада под названием «Имажинизм и экспрессионизм» сохранился в архиве (РО ИРЛИ, ф. 699, № 23).

¹² В архиве Шмерельсона сохранился мандат от 3 сентября 1920 г., выданный ему Правлением Нижегородского отделения ВСП в том, что он в качестве секретаря этого отделения «делегируется в правление Всероссийского Союза Поэтов, в г. Москву для участия в совещании пролетарских поэтов и писателей, для получения инструкций, аван-

сложившись нижегородские литературные контакты, в частности, с Борисом Садовским. Ранее, в 1918 г., он переписывался с С. Бобровым, заказывая ему различные книги, прежде всего — «Центрифуги».¹³

К нижегородскому периоду относятся и первые публикации Шмерельсона как поэта. С самого начала он определяет себя в качестве футуриста. В 1918 г. выходит его первый сборник стихотворений «Стихи» (издательство «Ищущий», отпечатано в электротипографии).¹⁴ В 1919 г. литературно-художественный кружок университета издает сборник «Зарницы», в который вошли пять его стихотворений. В конце 1919 г. (на обложке обозначен 1920 г.) выходит сборник стихов студентов НГУ И. Ермолаева, Г. Шмерельсона, В. Иродионовой, а в 1920 — первая полноценно изданная книга Шмерельсона: «Длань души. Стихи» (Изд. Нижегородского отд. Всероссийского союза поэтов.¹⁵ 1920. 12 с.).¹⁶ Однако материалы архива показывают, что издательская деятельность студентов не ограничивалась выпуском стихотворных книг и сборников. Проводились вечера, публичные чтения стихов, выставки.¹⁷ Когда не было возможности печататься, «издавали» рукописные и машинописные сборники.¹⁸

совых сумм и покупки литературы». Мандат был действителен по 20 сентября (РО ИРЛИ, ф. 699, № 84, л. 4).

¹³ 14 писем Шмерельсона 1918 г. сохранились в фонде С. Боброва, см.: РГАЛИ, ф. 2554 (С. Бобров), № 74.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 699, № 16. Книга представляла собой печатную обложку, в которую был вложен машинописный текст.

¹⁵ Членом ВСП Шмерельсон стал еще в июне 1919 г., причем по Московскому отделению (об этом он пишет в анкете при вступлении в организуемое Ленинградское отделение ВСП 10 апреля 1924 г.) (РО ИРЛИ, ф. 491, № 4. За эту информацию я благодарю Алексея Дмитренко).

¹⁶ Впоследствии, издавая следующую книгу «Города хмурь», Шмерельсон обозначил ее как «Книга первая», тем самым словно аннулируя «Длань души».

В списке изданий, в которых он публиковался в нижегородский период, Шмерельсон впоследствии также указал сборник Нижегородского отделения ВСП «Волжская вольница» (1920) (Автобиография 1922, л. 5).

¹⁷ Афиши литературно-музыкальных вечеров, проводившихся в Нижнем Новгороде с участием Шмерельсона и других студентов НГУ, см.: РО ИРЛИ, ф. 699, № 89.

¹⁸ В фонде 699 сохранились некоторые такие «издания»: одним из них является рукописный альманах студентов Нижегородского университета «Смех юности — счастье ее!» (№ 38). В этом альманахе, в частности, были помещены карикатура Шмерельсона «Талантливый профессор Лосев» и шуточный акростих (снизу вверх), посвященный проф. Волошинову (авторы И. Ермолаев и П. Званцев):

*Волос прекрасен,
Око сатира
Нам не опасен
И визг его лиры.
Шалуи он маститый
Огонь-человек!
Ловкий, не битый
Окончит свой век:
Волошинов век крепок!* (РО ИРЛИ, ф. 699, № 38, л. 8 об.).

Сохранилась также шуточное объявление «От свободной мастерской по починке стихов, рефератов, докладов, лекций и прочее, а также музыкальных композиций и голосовых связок при литературно-художественном кружке НГУ» за подписью секретаря Кружка Г. Шмерельсона (РО ИРЛИ, ф. 699, № 87).

В сентябре 1921 г. Шмерельсон переезжает в Петроград, где работает в Северо-Западном управлении водного транспорта на самых разных должностях: техническим секретарем месткома, зав. делопроизводством, агентом счетно-мобилизационного отдела, техническим секретарем расценочно-конфликтной комиссии и др. Однако, разумеется, не служба была главной в Петрограде для молодого поэта. Он сразу же разворачивает организационную деятельность. В июне 1922 г. он обращается в Москву, в секретариат Всероссийского союза поэтов, с вопросом о возможности издания сборника. Из ответного письма управделами ВСП Георгия Дешкина он узнает о том, что Союз сборников не выпускает, но планирует выпускать литературную газету — и материалы можно присылать. В этом же письме Дешкин сообщает Шмерельсону, что «отделение ВСП в Петрограде ликвидировано в прошлом году и Цех поэтов¹⁹ к Союзу отношения не имеет. Президиум ВСП хотел бы снестись с Вами по вопросу об открытии вновь Петроградского отделения. Сообщите Ваши предложения по сему, можете ли взять на себя инициативу в организации отделения».²⁰ В архиве Шмерельсона сохранились только ответные письма из Москвы,²¹ но по их характеру мы можем восстановить весь ход переписки. На предложение Дешкина Шмерельсон ответил согласием: создание литературных организаций было его делом еще с нижегородских времен. В конце июля с ним вступает в переписку уже член Президиума ВСП Н. Захаров-Мэнский, известный как лидер группы неоклассиков и основатель группы «Литературный особняк». Он высылает Шмерельсону все необходимые для организации отделения документы: устав, инструкцию, анкеты. Однако по неизвестным причинам дело затянулось. Несмотря на напоминания из Москвы (сентябрь 1922 г., май 1923 г.), создание отделения не двигалось с места. 29 октября 1923 г. Шмерельсон получает из Москвы информационное письмо за подписью В. Брюсова о готовящемся 20 ноября того же года праздновании пятилетия ВСП — с просьбой об информации о деятельности отделения и присылке изданий. Только весной 1924 г. возникло Организационное бюро по созданию уже Ленинградского отделения Союза поэтов, куда по предложению центра (соответствующее письмо подписал председатель Центрального правления ВСП И. Аксенов) вошел и Шмерельсон. С этого момента он становится секретарем правления Ленинградского отделения ВСП.²²

¹⁹ Имеется в виду Третий Цех поэтов, созданный в Петрограде Н. Гумилевым в 1920 г.; после расстрела Гумилева во главе Цеха встал Г. Адамович.

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 699, № 42, л. 1.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 699, № 42.

²² Точная дата, с которой Шмерельсон стал членом Ленинградского отделения ВСП — 12 апреля 1924 г. (см. его анкету: РО ИРЛИ, ф. 491, № 4). Шмерельсон вел большую организационную работу во вновь созданном отделении. В частности, он оповещал членов отделения о заседаниях, в связи с этим представляется интересной следующая его записка К. А. Сюннербергу (Эрбергу):

«Уважаемый Константин Александрович,

Не забудьте завтра к 5 ч. в. быть у Кузмина на заседании Всерос. Союза поэтов.

15/II-24.

Гр. Шмерельсон» (РО ИРЛИ, ф. 474 (К. А. Сюннерберг (Эрберг)), № 294, л. 1).

Однако главной переменной, происшедшей со Шмерельсоном в Петрограде, следует считать его переход от футуризма к имажинизму. Еще два года назад, выступая с докладом на диспуте, он утверждал: «Ничего, в сущности, не дав нового в своей бутафорской декларации, имажинисты лишь вспомнили старое, давно прожеванное английскими вортицистами-имажистами, которые еще в 14—15 г. говорили, что их „задача сосредоточена на образах, составляющих первозданную стихию поэзии <...> Все, что создано природой и культурой, для нас — общий хаос, который мы пронизываем своим вихрем“.

Конечно, торжество образа — это цель поэзии, но подход к достижению таковой, предлагаемый имажинистами, есть старая жвачка, пережеванная как английскими имажистами, так и русскими футуристами».²³ Теперь же, в 1922 г., Шмерельсон, осознав себя в качестве имажиниста, издает свою вторую книгу стихов «Города хмурь. Стихи. Книга первая»²⁴ (Петербург, «Распятый Арлекин»,²⁵ 1922. 32 с.), в ко-

Прием М. Кузмина в Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов был утвержден правлением в тот же день, что и Г. Шмерельсона. Интересно, что Шмерельсон был и среди подписавших решение — в качестве секретаря ВСП. Материалы по теме «М. Кузмин и Союз поэтов» см. в публикации: *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома (некоторые дополнения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 52—53.

²³ РО ИРЛИ, ф. 699, № 23, л. 7.

²⁴ См. прим. 11 и 16.

²⁵ Об издательстве «Распятый Арлекин», печатавшем книги петроградских имажинистов, нам, к сожалению, практически ничего не известно. Издательство создавалось для печатания произведений петроградских имажинистов. Его эмблема, украшающая первую страницу обложки книги «Города хмурь», представляет собой Арлекина, распятого на фоне урбанистического пейзажа — домов, фабричных труб и т. д. Под эмблемой стоят инициалы «В. Г.», принадлежащие, очевидно, ее автору. В конце сборника «Города хмурь» приведен список книг, выпущенных издательством и намеченных к публикации:

«В ПРОДАЖЕ:

- 1) Города Хмурь. 1 кн. стихов Григория Шмерельсон.
- 2) „Рыдательная боль“. Стихи Алексея Золотницкого, Александра Кусикова, Владимира Тренина, Вадима Шершеневича, Григория Шмерельсон.

В ПЕЧАТИ:

- 3) I книга стихов Алексея Золотницкого.
- 4) „Волга“. Поэма Алексея Золотницкого.
- 5) „Распятый Арлекин“. Стихи Алексея Золотницкого, Семена Полоцкого, Владимира Тренина, Григория Шмерельсон.

ПРИГОТОВЛЕНО К ПЕЧАТИ:

- 6) „Горб земли“. Поэма Григория Шмерельсон.
- 7) „Девушка“. Поэма Григория Шмерельсон.
- 8) „Ямы“. Стихи К. Пэтэк.
- 9) „Паровоз на дыбы“. Поэма контрастов Влад. Тренина.
- 10) „Монументальная мастерская образов“. Книга исследований Влад. Тренина.

Однако, по неизвестным обстоятельствам, кроме первых двух книг, издательство смогло выпустить только поэму А. Золотницкого «Волга» (СПб., 1922), больше ничего выпущено не было. В том же 1922 г. Золотницкий издал свою поэму вторым изданием в Москве.

торую включает свои стихи как нижегородского, так уже и петроградского периода. Анализ посвящений в книге показывает, что поворот к имажинизму произошел у Шмерельсона не спонтанно. Так, 1920-м годом датировано посвящение Вадиму Шершеневичу, причем указание на место написания стихотворения (Москва) позволяет нам определить месяц его создания — сентябрь, когда Шмерельсон был командирован в Москву, в Правление ВСП, как представитель Нижегородского отделения Союза.²⁶ Можно предположить, что именно во время этой поездки состоялось личное знакомство Шмерельсона с Шершеневичем, который с 1919 г. до начала 1920 г. был председателем ВСП, а после смещения²⁷ — остался членом Президиума Союза. Личное и поэтическое обаяние Шершеневича оказало воздействие на Шмерельсона, и начавшиеся в то время дружеские отношения между ними продолжались очень долго. Шершеневич, один из руководителей «Верховного ордена имажинистов» в Москве, стал и одним из поэтических учителей Шмерельсона.²⁸ Другому видному московскому имажинисту — Александру Кусикову — Шмерельсон в 1921 г. посвятил также вошедшее в «Длань души» стихотворение «Скачки безумные делать...».

Что касается первых попыток установления контакта с московскими имажинистами, то их, очевидно, нужно отнести к июню—июлю 1920 г. Об этом свидетельствует письмо А. Б. Мариенгофа к Шмерельсону от 4 июля 1920 г. в ответ на просьбу прислать стихи для сборника:

«Уваж. тов. Шмерельсон.

К сожалению, сейчас ничего прислать для Нижегородского сборника²⁹ не могу — т. к. с весны работаю над трагедией, а мусор требует места, для него и приличествующего, т. е. мусорного ящика.

Ваши стихи Кусиков еще не передал Верх. Совету».³⁰

Из этого письма следует, что знакомство Шмерельсона с А. Б. Кусиковым состоялось еще ранее, чем знакомство с Шершеневичем. Ориентировочно это произошло весной—в начале лета 1920 г., тогда же Шмерельсон через Кусикова предпринял попытку наладить связь с «Верховным орденом».³¹ В 1922 г. в издательстве «Распятый Арлекин»

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 699, № 84, л. 4.

²⁷ См. об этом: Дроздов В. «Мы не готовили рецепт „как надо писать“, но исследовали» (Заметки об одной книге В. Шершеневича) // Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 173, 180.

²⁸ В автобиографии 1922 г., адресованной П. Я. Заволокину, на вопрос о своих любимых поэтах, Шмерельсон отвечал: «люблю: Пушкина — Тютчева (sic!), Блока, Маяковского, Шершеневича» (Автобиография 1922, л. 4).

²⁹ Очевидно, речь идет об уже упомянутом выше сборнике «Волжская вольница». См. прим. 16.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 699, № 55, л. 1—1 об.

³¹ Интересно, что обращения со своими стихами к московским имажинистам и, в частности, к А. Мариенгофу практически накладывается по хронологии на выступление Шмерельсона 28 июня 1920 г. с докладом «Имажинизм и экспрессионизм», где имажинизм объявлялся «вывеской, которую приклеила себе группа поэтов, не нашедших своего пути в поэзии», Шершеневич назывался представителем «обанкротившихся футуристов», «грубым аристократом с сексуальностью», а Мариенгоф — воспитавшимся на стихах Шершеневича «нудной бездарностью» (РО ИРЛИ, ф. 699, № 23, л. 8—9). Однако

выходит сборник «Рыдательная боль», в который вошли стихи А. Золотницкого,³² А. Кусикова, В. Тренина,³³ В. Шершеневича, Г. Шмерельсона. Общая база для совместной работы была создана.

Осенью 1922 г. Шмерельсон начинает предпринимать действия по организации имажинистской группы в Петрограде. Обстоятельства создания группы, получившей название «Воинствующий орден имажинистов», до конца не ясны. Существует несколько документов, освещающих этот период. Самый главный — текст, опубликованный в петроградской газете «Последние новости» 27 ноября 1922 г. и републикованный Э. М. Шнейдерманом³⁴ под заголовком «Манифест новаторов», — подписан четырьмя поэтами (Алексей Золотницкий, Семен Полоцкий, Григорий Шмерельсон и Влад Королевич):

«Даты:

1919. Рождение Имажинизма и первый удар по лжеискусству.

1922. Завоевания Имажинизма простерлись почти по всему русскому искусству, признавшему девственную и действительную образную субстанцию поэзии исходя из принципа дифференциации материала искусства. Почти покой.

Три года передовая линия имажинизма и отдельные боевые отряды его сражались под знаменем „Imago“ с действующей армией враждебного лжеискусства. Петербург лежал в стороне от военных действий. Тыл мы щадили. Недостойно воинам биться с обозниками.<...>

Мо<лч>аливый бунт обоза должен быть подавлен.<...>

Имажинисты, на прицел!»³⁵

В той же газете описывались обстоятельства публичного прочтения манифеста 21 ноября 1922 г. (в комментариях к сборнику «Поэты-имажинисты» ошибочно указано — «20 ноября» — с. 466): «Оглашенная на вечере в петроградском Доме искусств декларация встречена была свистом и выкриками, угрожающими превратиться в непривыч-

Есенина Шмерельсон в докладе называл «талантливым», хотя и «безрассудно-некультурным», а Кусикова и вовсе выделял особо: «Упоенный Бальмонтом, интимный и лиричный Кусиков...» (Там же, л. 6, 8).

³² «Золотницкий Алексей Владимирович, родился в гор. Н-Новгороде 29 февраля 1904 г. Писать начал в 1916 г.

Печататься — в 1920 г.

Напечатано: „Поэзник“ М., 1920 г.

„Книга по существу“ — статьи об искусстве Н-Н, и-во „Звездный Разлив“, 1921 г.

„Волга“ — поэма. СПб 1922 г., и-во „Распятый арлекин“.

„Волга“ — поэма (изд. 2-ое). М.-Н-Н. 1922.

Готовлю „Евангелье упрямых лет“ — 2-ая книга стихов. Сотрудничал во многих провинц<иальных> и столичных изданиях и журналах» (Автобиография А. Золотницкого. РО ИРЛИ, Р. I, оп. 10, № 40, л. 1).

³³ Поэт, знакомый Шмерельсону по Нижнему Новгороду. В Нижнем Новгороде Тренин проживал на квартире д-ра Золотницкого, отца поэта Алексея Золотницкого.

³⁴ Поэты-имажинисты. М.; СПб., 1997. С. 466 («Библиотека поэта»).

³⁵ Цит. по: Поэты-имажинисты... С. 18—19 — с исправлением неправильно прочтенного публикатором слова «Imago» (в публикации Э. М. Шнейдермана — бессмысленное «Утадо»).

ный скандал. После того, однако, как удалось успокоить разбушевавшуюся часть публики, прочитаны были стихи».³⁶

Второй документ — это письмо от 2 января 1923 г. Владимира Ричиотти (Леонида Турутовича), Владимира Егорова и Елены Ливен, адресованное Шмерельсону, но обращенное также к Семену Полоцкому и к Владу Королевичу (Владимиру Королеву), которое, фактически, представляет собой предложение союза в борьбе за имажинизм. Интересно, что в качестве своеобразного пароля, указывающего на общность эстетических взглядов, здесь упоминается имя Вадима Шершеневича:

«Тов. Шмерельсон, Полоцкий и Королевич!

Позвольте протянуть Вам (так! — А. К.) имажинистские лапы, чтобы позжать и приветствовать вашу борьбу за образ и философию имажинизма. <...>

Было бы крайне необходимо перезнакомиться и, „перевязав руки“, двигаться вместе без судорог сомнений.

Хорошо бы поговорить, сговориться и почувствовать близость литературной братии „гениев от имажинизма“, как говорил Шершеневич. <...>

Душа прыгает от жажды имажинистского Слова.

Напоите, „Родные, хорошие!“³⁷.³⁸

Таким образом, становится ясным, что на первом этапе создания «Воинствующего ордена имажинистов», названного так по образцу московской организации, в него входили четыре поэта: Золотницкий, Полоцкий, Шмерельсон и Королевич. Однако в 1923 г. остаются уже только трое: Золотницкий, с которым Шмерельсон был дружен еще по Нижнему Новгороду, Орден покинул.³⁹ Затем Орден покинул Влад

³⁶ Там же. С. 466. В архиве Шмерельсона сохранилась афиша этого выступления. Вот его программа:

«Программа
открытого заседания воинствующего ордена имажинистов
21 ноября 1922 г.
в Клубе Дома Искусств

1. Вступительное слово — Алексея Золотницкого.
2. Декларация Ордена — пр<очтет> Семен Полоцкий.
3. Стихотворение Полоцкого прочтут — Золотницкий
Шмерельсон
4. Стихотворение Шмерельсон прочтут — Золотницкий
Шмерельсон
5. Стихи прочтут: Семен Полоцкий
Алексей Золотницкий
Влад Королевич
Григорий Шмерельсон
6. Письма — прочтут Золотницкий, Полоцкий, Королевич, Шмерельсон
7. Лирический марш — Золотницкий, Полоцкий, Королевич, Шмерельсон» (РО ИРЛИ, ф. 699, № 123, л. 2).

³⁷ Цитата из драмы С. Есенина «Пугачев».

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 699, № 62, л. 1—1 об.

³⁹ Единственное сохранившееся в архиве Г. Шмерельсона стихотворение А. Золотницкого «Как будто груз я бережно несу...» (№ 146) как раз относится к периоду создания Ордена (4 декабря 1922 г.).

Королевич. Добавился Владимир Ричиотти — единственный из трех авторов процитированного письма ставший участником Ордена. С момента создания Шмерельсон стал «Генеральным секретарем „Воинствующего ордена имажинистов“», этот титул он указывает и на специально изготовленных типографским способом бланках. Именно на таких бланках он рассылает деловые письма в издательства, организации, журналы и газеты.

Еще один важный документ — это автобиография поэта Ивана Афанасьева-Соловьева,⁴⁰ написанная в 1923 г., в которой говорится: «Литературную деятельность начал в „Воинствующем ордене имажинистов“ — в 1922 г. и в петроградских периодических изданиях».⁴¹ Таким образом, можно полагать, что в 1922 г. Афанасьев-Соловьев тоже входил в число членов формирующейся группы, но не подписывал совместные заявления и декларации.

Последним в Орден вошел в 1924 г. поэт Вольф Эрлих — по иронии судьбы, он оказался единственным, ставшим профессиональным поэтом после завершения деятельности объединения. Правда, его стихи в конце 1920-х—1930-х годах были уже очень далеки от имажинизма...

Шмерельсон часто составлял различные справки о деятельности Ордена, которые рассылал в периодические издания, в том числе и зарубежные. В книге «Русский Берлин. 1921—1923» (Paris, 1983. С. 328) упоминается справка Шмерельсона осени 1923 г., в которой сказано, что по июнь 1923 г. Орден «провел около 70 вечеров, диспутов и проч.».⁴² Еще одна справка Шмерельсона (от 2 апреля 1925 г.) хранилась в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 81. ГАИС II./VI. Ед. хр. 150), ее цитирует в комментариях к «Поэтам-имажинистам» Э. М. Шнейдерман. В этой справке, помимо упомянутой четверки (Шмерельсон, Полоцкий, Афанасьев-Соловьев, Ричиотти), упоминается еще один член группы — Николай Григоров, примкнувший к ней, судя по всему, в 1923 г. Кроме них Шмерельсон называет еще несколько имен: «имаж-молодняк — Рогинский, Вильчевский, Мартынов и др.»,⁴³ из которых только Леонид Рогинский

⁴⁰ Афанасьев-Соловьев Иван Иванович (1899—1937).

⁴¹ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 103, л. 1.

⁴² В архиве Шмерельсона (№ 123) хранятся некоторые афиши выступлений «Воинствующего ордена имажинистов». Среди них — помимо приведенной выше программы первого выступления Ордена 21 ноября 1922 г. — вечер имажинистов «Взгляд и Нечто» 4 января 1923 г. в Институте сценических искусств (Литейный, 46), в котором участвовал критик Б. Гусман и В. Королевич, а также в котором впервые в качестве участника упоминается имя близкого Ордену поэта М. Березина; вечер украинского поэта-имажиниста Л. Чернова, также близкого Ордену, но никогда в него не входившего («поззо-лекция» 23 января 1923 г.); «шестой литературный субботник» в библиотеке им. И. С. Тургенева 27 января 1923 г., где впервые выступает Афанасьев-Соловьев (ему было доверено произнести вступительное слово от Ордена); вечер «Воинствующего ордена имажинистов» 17 мая 1923 г. в Государственном институте музыкального просвещения на Бассейной, 4, а также другие — в том числе и с участием С. Есенина. Наконец, чрезвычайно важным был вечер С. Есенина в Ленинграде 14 апреля 1924 г., в котором также принимали участие члены «Воинствующего ордена имажинистов».

⁴³ Цит. по: Поэты-имажинисты. С. 459.

публиковался в имажинистских изданиях (сб. «Ревесники-имажинисты». Л., 1925. — Вместе с Афанасьевым-Соловьевым, Полоцким и Ричиотти). Однако, очевидно, Э. М. Шнейдерман был последним среди тех, кто видел эту справку, поскольку она в ОР РГБ утрачена.

Пик деятельности Ордена приходится на 1923—1925 годы. Помимо упомянутого сборника «Ревесники-имажинисты», из печати вышли такие сборники петроградских имажинистов, как «В кибитке вдохновения» (выходные данные были обозначены так: «Из Петрограда к мамаше в 1923 г.») — Афанасьев-Соловьев, Полоцкий, Ричиотти, Шмерельсон. Кроме этого, были изданы отдельные книги стихов членов Ордена — Афанасьева-Соловьева, Ричиотти, Шмерельсона. В анонсах, широко представленных на страницах петроградских имажинистских изданий, упомянуты также книги, которые впоследствии издать так и не удалось (среди них — Н. Григоров. «Скифий скит»; И. Афанасьев-Соловьев. «Поэма без имени» и т. д.). Издавались и совместные сборники московских и петроградских имажинистов, в связи с чем московское издательство «Имажинисты» на петроградских изданиях стало обозначать место издания как Москва—Петроград или просто Петроград (никакого отдельного петербургского издательства «Имажинисты», которое якобы было названо «подобно московскому», как об этом пишет Э. М. Шнейдерман,⁴⁴ конечно, не было).

Сам Шмерельсон еще планировал второе издание книги «Города хмурь», которое не состоялось. Зато в 1924 г. в издательстве «Имажинисты» вышла его совместная с В. Шершеневичем книга «ШиШ» (Шершеневич, Шмерельсон) (Петроград, 1924), куда вошло одно стихотворение имажинистского мэтра и два — Шмерельсона. Это совместное издание еще раз демонстрирует особенную близость — как дружескую, так и в области эстетических взглядов — членов петроградского Ордена и Шершеневича.

В 1924 г. «Воинствующий орден имажинистов» запланировал выпуск сразу двух важных изданий. Был подготовлен журнал «Необычайное свидание друзей» (впоследствии переработанный в альманах), организационные работы по которому вел в основном В. Ричиотти с участием не только имажинистов, но и будущих обэриутов Д. Хармса и А. Введенского. Журналу так и не суждено было увидеть свет.⁴⁵ Г. Шмерельсон работал над сбором материалов для задуманной им «Антологии имажинизма», о характере которой можно судить по его письму к М. Ройзману от 20 июня 1924 г.:

«Как мы с тобой говорили, план антологии таков:

1. Портреты
2. Автобиографии
3. Стихи
4. Библиография

⁴⁴ Поэты-имажинисты. С. 459.

⁴⁵ Об обстоятельствах, связанных с подготовкой «Необычайного свидания друзей», и о причинах его невыхода см. в нашей публикации: *Кобринский А.* Материалы Вольфа Эрлиха в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 21.

5. Документы (все вышедшие декларации, листовки, манифесты и проч.).

В „Антологию“ вхожи (пишу не по алфавиту, а так):

- ПОЭ
- ТЫ:
- +
1. Ив. Грузинов
 2. Сер. Есенин
 3. А. Кусиков
 4. Анат. Мариенгоф
 5. Матвей Ройзман
 6. С. Полоцкий
 7. В. Ричиотти
 8. Рюрик Ивнев
 9. Вад. Шершеневич
 10. Григорий Шмерельсон
 11. Ник. Эрдман
 12. Вольф Эрлих
 13. Г. Якулов (портрет, список картин-работ, автобиография, рисунки, т. д.)
 14. Бор. Эрдман (то же)».⁴⁶

«Плюс» слева от последних имен означает, что кроме поэтов в «Антологии» должны были быть представлены два художника-имажиниста. По представленному плану видно, что «Антология» (а ее объем планировался примерно 15—17 печатных листов), будь она завершена и издана, представляла бы собой почти исчерпывающий и неопенимый источник по истории русского имажинизма. Были найдены деньги на издание, о фотопортретах существовала договоренность с М. Наппельбаумом («...кое-что сделано, — писал Шмерельсон Ройзману в уже цитировавшемся письме, — с Наппельбаумом окончательно договорился, нашел „дядю с деньгами“, который очень хочет (!) выпустить нашу антологию»)⁴⁷ Шмерельсон непрерывно бомбардировал московских поэтов и художников письмами с требованиями представить все необходимые материалы — и эти материалы постепенно стали приходить. Однако то ли помешали ужесточившиеся тогда цензурные условия, то ли «дядя с деньгами» раздумал помогать имажинистам, но это издание тоже не было осуществлено...

1925 год был последним годом деятельности «Воинствующего ордена имажинистов», а их вышедший в том же году сборник «Ровесники-имажинисты» — последним печатным изданием Ордена. На вопрос, заданный Григорию Шмерельсону Леонидом Черновым в письме от 16 января 1926 г. «Как орден? Не умер ли?»,⁴⁸ хотя мы и не имеем ответного письма Шмерельсона, тем не менее можем предполагать, что был дан утвердительный ответ.

Жизнь Г. Шмерельсона после распада Ордена уже не имела отношения к литературе. Он перестал писать стихи и до конца жизни работал в Ленинграде в Облпрофсовете, сначала — библиотекарем-

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 2809 (М. Ройзман), оп. 1, № 150, л. 1—2.

⁴⁷ Там же. См. также: *Савченко Т.* Об одном неосуществившемся замысле «Воинствующего ордена имажинистов» // *Русский имажинизм.* М., 2003. С. 136—139.

⁴⁸ РО ИРЛИ, ф. 699, № 73, л. 1.

инструктором, затем — ответственным секретарем журнала «В помощь передвижнику»: составлял методические разработки в помощь библиотечным работникам. В процессе создания таких разработок он посылал письма авторам, о которых писал, в частности, Ромену Роллану и Эрнсту Толлеру. Ответные письма Роллана и Толлера сохранились в фонде.⁴⁹

Григорий Шмерельсон погиб на фронте в 1943 г.

2

Основная часть материалов Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома сосредоточена в его фонде (№ 699). Фонд состоит из нескольких частей.

1. Рукописи и печатные издания произведений Г. Б. Шмерельсона. (Ед. хр. 1—30). Здесь собраны основные его произведения, в том числе — машинописный сборник 1918 г. «Стихи» (Н-Новгород) — (ед. хр. 16), переводы из Э. Толлера (ед. хр. 22), статьи и рецензии на литературные и театральные темы (ед. хр. 23, 24, 25, 28), попытки детских стихов (ед. хр. 6, 12, 14), сценарии (ед. хр. 26, 27). Особо следует выделить единицу хранения № 30, где собраны наклеенные на отдельные листы вырезки статей, стихов, других публикаций Шмерельсона из различных газет и журналов, начиная с гимназического времени, а также некоторые машинописные тексты.

2. Сборники, журналы, альманахи Г. Б. Шмерельсона или вышедшие под его редакцией (ед. хр. 31—41). Среди них — не только известные и уже упомянутые печатные издания, но и, например, экземпляр гимназического журнала 1917 г. «Антик» (ед. хр. 31), гимназического журнала «Снежинка» (1916—1917) (ед. хр. 39), юмористический рукописный альманах студентов Нижегородского университета 1919—1920 гг. (ед. хр. 38), гектографический альманах «Сами для себя», изданный в Петербурге в 1922 г. (ед. хр. 37).

3. Письма разных лиц к Г. Б. Шмерельсону (ед. хр. 42—82). Шмерельсон тщательно хранил в своем архиве большой объем переписки, начиная с гимназического времени, когда он переписывался с издателями гимназических журналов в разных городах России. Письма гимназистов дают интереснейший материал по истории рукописных детских и юношеских изданий. Почти все они относятся к периоду 1916—1917 гг., и материала здесь очень много, поскольку зачастую в одной единице хранения содержатся более десятка писем (ед. хр. 43, 49, 50, 54, 56, 58, 59, 60, 66, 69, 74, 75, 76, 77, 79, 80).

Интерес представляет переписка Шмерельсона с Всероссийским союзом поэтов 1922—1923 гг. по вопросу открытия Петроградского отделения ВСП, о чем уже было сказано в настоящей работе. 6 писем из Москвы хранятся в ед. хр. 42.

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 699, № 63 и 70.

Из известных поэтов, чьи письма хранятся в архиве Шмерельсона, можно отметить А. Б. Мариенгофа (ед. хр. 55), С. Е. Нельдихена (ед. хр. 57), В. Ричиотти (ед. хр. 62), Н. С. Тихонова (ед. хр. 68), М. М. Шкапской (ед. хр. 78), а также упомянутые уже письма Р. Роллана и Э. Толлера. В связи с Есениным интересны записка И. Приблудного (Я. П. Овчаренко) с просьбой помочь Есенину деньгами (ед. хр. 61) и письмо В. Н. Яхонтова от 7 февраля 1926 г., в котором Яхонтов делится своими впечатлениями от похорон Есенина и просит помощи в подготовке новой работы, посвященной погибшему поэту (ед. хр. 81).

4. Биографические материалы (ед. хр. 83—90). В этом разделе собраны документальные материалы и документы, иллюстрирующие жизненный путь Григория Шмерельсона. Здесь его официальная автобиография, ориентировочно написанная в 1937 г. (ед. хр. 83), личные дела и удостоверения, трудовой список (ед. хр. 84—85), а также материалы, имеющие отношение к литературной деятельности Шмерельсона, из которых наиболее интересным является черновой автограф протокола собрания членов Ленинградского отделения ВСП от 23 апреля 1925 г., на котором, в частности, обсуждалась деятельность «Мастерской по изучению поэтики» А. В. Туфанова. Особую ценность ед. хр. 88, в которой он находится, придает то, что к протоколу приложен черновой автограф Туфанова с текстом его отчета.

5. Изобразительные материалы (ед. хр. 91—98). В этом разделе представлен литографический портрет самого Г. Шмерельсона (ед. хр. 91), а также цинкография с силуэта его поэтического учителя В. Шершеневича (ед. хр. 98). Представлены и другие портреты, в основном, вырезки из периодических изданий.

6. Материалы, относящиеся к разным лицам. Единство нумерации этого раздела несколько нарушена: сюда входят ед. хр. 99—113, а также ед. хр. 146—203.

Шмерельсон собирал рукописи своих современников и знакомых. Так, в ед. хр. 103 находится, очевидно, один из самых ценных материалов архива — единственный существующий на сегодняшний день автограф стихотворения А. Ахматовой «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» (автограф не датирован). Есть и другие интереснейшие материалы: автограф стихотворения 1924 г. Грааль-Арельского (С. С. Петрова) «Еще в полях светло от снега...» (ед. хр. 101); черновой (и от этого трудно читаемый) автограф стихотворения С. Городецкого «Клоп», написанного им в Нижнем Новгороде, на Волге, в июне 1920 г. (ед. хр. 112) и, очевидно, подаренного Шмерельсону при знакомстве; стихотворение А. Мариенгофа 1919 г. «Иду на руках» (ед. хр. 158); стихотворения Иды Наппельбаум (ед. хр. 162); Нины Хабиас (Оболенской) (ед. хр. 164); редкое издание произведений Константина Олимпова (Фофанова) (ед. хр. 165) с дарительной надписью издателя — Владимира Смиренского; стихотворения С. Спасского (ед. хр. 181); Н. Тихонова (ед. хр. 182); А. Кусикова (ед. хр. 156). Толь-

ко недавно было опубликовано находящееся в ед. хр. 192 неизвестное ранее стихотворение В. Шершеневича «Принцип перевода» (январь 1918), не вошедшее в сборник «Лошадь как лошадь».⁵⁰

Разумеется, много материалов друзей-соратников — петроградских имажинистов: И. Афанасьева-Соловьева (ед. хр. 102), А. Золотницкого (ед. хр. 146—147), В. Королевича (ед. хр. 152), С. Полоцкого (ед. хр. 167—169), В. Ричиотти (172—176), а также людей, близких к Ордену: Н. Берендгофа (ед. хр. 105), В. Тренина (ед. хр. 186).

7. Последний раздел (ед. хр. 114—145) — это собранные Шмерельсоном вырезки из газет, журналов и другие биобиблиографические материалы, посвященные Сергею Есенину.

⁵⁰ См.: Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 188—189. Публикатор В. Дроздов восстановил исправленное автором название «Обокраденный никто».

Т. А. Кукушкина

**Всероссийский союз писателей
Ленинградское отделение (1920—1932)
Очерк деятельности**

Всероссийский профессиональный союз писателей в Петрограде, учрежденный 4 июля 1920 г. на общем собрании петроградских писателей, — третье по времени создания послереволюционное объединение литераторов Петрограда. К моменту его возникновения деятельность двух предыдущих — Союза русских писателей (март 1917—март 1920?)¹ и Союза деятелей художественной литературы (март 1918—май 1919)² уже была прекращена. По своей задаче (защита правовых и материальных интересов писателей, свободы печати), принципу объединения писателей различной литературной и политической ориента-

¹ 19 марта 1917 г. на собрании петроградских литераторов был принят устав Союза русских писателей, в основу которого положен устав Всероссийского литературного общества, переработанный А. М. Редько. В декабре 1917 г. избран постоянный Комитет: С. А. Венгеров (председатель), А. М. Калмыкова (товарищ председателя), П. Я. Рыс (секретарь), А. М. Редько (казначей), Д. С. Мережковский, А. Н. Кремлев, Л. Я. Гуревич, В. Л. Бурцев, А. В. Пешехонов. Кандидаты в Комитет — П. Н. Милюков, Д. В. Филоффов, М. В. Ватсон, Ф. Сологуб, Ф. Д. Батюшков, В. А. Мякотин. Период активной деятельности Союза относится к 1917—началу 1919 гг. К 1920 г. Комитет потерял значительную часть своего состава. Сведениями о его работе мы не располагаем. Последний из известных нам документов — мандат, выданный Советом Союза Л. Я. Гуревич 20 марта 1920 г. (РО ИРЛИ, ф. 709, № 259).

² Союз деятелей художественной литературы организован по инициативе Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. В первый Совет Союза вошли Ф. Сологуб (председатель), Н. С. Гумилев, В. А. Трахтенберг, Н. А. Энгельгардт, Ан. и Ал. Чеботаревские, А. К. Кайдаров, С. С. Кондурушкин, М. Горький (избран заочно), Ф. Ф. Зелинский, Г. И. Урюпинский. Подробнее о деятельности Союза см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 годы) // *Вопросы советской литературы.* М.; Л., 1958. Вып. 7. С. 454—475; Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) / Публ. В. П. Муромского // *Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы.* СПб., 2002. Кн. 1. С. 125—196.

ции и направлению работы Союз был преемником двух первых. Созданные дореволюционной творческой интеллигенцией в условиях минимальных издательских возможностей, голода, особенно страшного среди петроградских литераторов, и усиливающегося идеологического контроля, все они были в той или иной степени, скрыто или явно — оппозиционны официальной власти. История этой самой крупной и представительной литературной организации Петрограда 1920-х гг. по понятным причинам не могла стать предметом изучения советского литературоведения. В настоящей работе представлен обзор деятельности Союза, основанный на материалах архива, хранящегося в Пушкинском Доме (фонд № 291).

Образованный представителями разных литературных направлений, Союз не имел программы или платформы, свойственной творческим группировкам. В его задачу входило собирание всех литературных сил Петрограда в единую крупную организацию, способную авторитетно выступать от имени всей литературы, хранить ее традиции и защищать ее интересы. Основным критерием приема являлась художественная ценность произведений вступающего в Союз.

Среди учредителей Союза — прозаики, поэты, критики, переводчики, журналисты, принадлежавшие к культурному пласту дореволюционной России: М. Горький, А. А. Блок, А. А. Ахматова, А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, З. А. Венгерова, К. И. Чуковский, А. В. Ганзен, А. Г. Горнфельд, М. А. Кузмин, П. В. Быков, В. С. Миролубов, А. Н. Тихонов, А. А. Коринфский. В состав временного Правления вошли историк и теоретик искусства А. Л. Волынский (председатель); журналист, один из организаторов и руководителей петроградского Дома литераторов Н. М. Волковыский (товарищ председателя); прозаик, критик Л. Я. Гуревич; переводчица А. В. Ганзен (казначей); М. Горький (в деятельности Правления активного участия не принимал); писатель Е. И. Замятин; прозаик, критик В. Я. Ирецкий (секретарь); драматург, режиссер Е. П. Карпов; писатель, критик К. И. Чуковский. Избранное 10 октября 1920 г. постоянное Правление составилось из перечисленных членов временного Правления за исключением Е. П. Карпова; дополнительно избраны А. А. Блок, А. Н. Тихонов, В. Я. Шишков. Кандидаты в члены Правления, также принимавшие участие в его работе — П. К. Губер, В. А. Мазуркевич, В. Б. Шкловский. Правление ежегодно переизбиралось на общих собраниях Союза, членами его на протяжении многих лет были А. Л. Волынский, А. В. Ганзен, Е. И. Замятин, М. Э. Козаков, М. Л. Слонимский, Ф. Сологуб, А. Н. Тихонов, Н. С. Тихонов, К. А. Федин, В. Я. Шишков. В списке членов Союза, составленном через полтора месяца после его создания, наряду с уже упомянутыми, значатся имена В. А. Азова, А. В. Амфитеатрова, В. П. Буренина, А. А. Гизетти, Э. Ф. Голлербаха, А. С. Грина, Н. С. Гумилева, В. А. Зоргенфрея, Г. В. Иванова, Ю. Н. Данзас, А. Е. Кауфмана, В. Д. Комаровой, А. А. Коринфского, М. А. Кузмина, Е. П. Летковой-Султановой, Г. Л. Лозинского, Вас. И. Немировича-Данченко, В. А. Рождественского, М. Л. Слонимского, Ю. И. Юркуна — всего 92 человека. В октябре 1920 г. числен-

ность Союза возросла до 138 человек, в конце года — до 192. В 1921—1922 гг. Союз пополнился литературной молодежью — участниками разных групп и объединений: «Цеха поэтов», «Серапионовых братьев», «Звучащей раковины», «Островитян».

Не имея в течение нескольких лет собственного помещения, Союз пользовался гостеприимством близких по духу учреждений. Заседания Правления проходили в издательстве «Всемирная литература» (Моховая, 36), иногда — в Доме литераторов (Бассейная, 11; ныне — ул. Некрасова); общие собрания — в Доме искусств (наб. р. Мойки, 59), а после его ликвидации осенью 1922 г. — в издательстве «Всемирная литература». На протяжении первых трех лет существования деятельность Союза протекала в тесном сотрудничестве с Домом литераторов.³ Союз писателей и Дом литераторов объединяла общая задача сохранения и защиты литературы, состав членов и, в значительной степени — общее руководство. Члены Правления Союза Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов входили и в Комитет Дома. Дом литераторов выделил Союзу первую ссуду в 25 тысяч рублей, на базе его секретариата велось делопроизводство Союза, в отстаивании прав русских писателей Союз писателей и Дом литераторов нередко объединяли свои усилия.

Сразу по возникновении Союз был зарегистрирован в Отделе управления Петросовета.⁴ В 1920 г. он состоял в ведении Московского Литературного отдела (ЛИТО) Наркомпроса,⁵ с сентября 1921 г. — Петроградского ЛИТО, с 7 сентября 1922 г. — Петроградского отделения Главного управления научными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука).⁶

К моменту образования Петроградского Союза в Москве уже действовал Союз писателей, созданный в 1918 г. под председательством М. О. Гершензона. Весной 1920 г. он был реорганизован, председателем избран Ю. Балтрушайтис. При обсуждении вопроса о едином Союзе (с равноправными отделениями в Москве и Петрограде), об-

³ О Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // Русская литература. 1971. № 1. С. 125—134; *Иванов Г. В.* Дом литераторов // Иванов Г. В. Мемуары и рассказы. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992. С. 59—63; Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / Публ. А. Г. Виноградова // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 141—164; *Кукушкина Т. А.* «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918—1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 77—95.

⁴ Информация о регистрации Союза была сообщена на заседании временного Правления 15 июля 1920 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 16, л. 3).

⁵ Литературный отдел Наркомпроса создан в начале 1920 г. для руководства «всеми литературными делами республики». Его целью являлась «защита интересов писателей (содействие литературному объединению, печатанию произведений, организации общезжитий, бюро труда, летних колоний, субсидированию литературных организаций и т. д.)» (Петроградская правда. 1920. 11 июля, № 152. С. 3). На деле ЛИТО работал не активно, в первой половине 1922 г. был упразднен.

⁶ ПО Союза зарегистрировано в Главнауке 7 сентября 1922 г. Удостоверение о регистрации выдано 9 сентября 1922 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 6; далее — ЦГА СПб.).

щем названии, уставе и председателе между двумя Союдами сразу обнаружилось расхождение. Петроградские литераторы более года настаивали на сохранении в названии Союза обозначения «профессиональный». К единому названию — «Всероссийский союз писателей» — с равноправными отделениями в Москве и Петрограде московские и петроградские коллеги пришли лишь в июне 1921 г. М. А. Осоргин, член Правления Московского Союза, впоследствии объяснял разногласия с Петроградским Союзом тем, что «не было имени, на котором можно было сговориться, и различна была „целеустремленность“: петербургский союз искал покровительства, мы же этого покровительства так боялись, что даже не называли себя союзом „профессиональным“».⁷ Петроградский Союз действительно искал покровительства, но — покровительства закона. Слишком жестоким был бы литературного Петрограда. «Перековка» умонастроений «буржуазной» интеллигенции приняла здесь характер репрессий. Председатель Петровета Г. Е. Зиновьев, непримиримый противник интеллигенции, призывавший рабочих расправляться с нею «по-своему, прямо на улице»,⁸ планомерно «подправлял» правительственные постановления декретами Северной коммуны. Признание Союза писателей организацией профессиональной обеспечивало законное право на получение некоторых продовольственных и бытовых льгот.

В течение года оба отделения обсуждали и согласовывали единый устав. Устав Московского Союза, утвержденный общим собранием московских писателей 6 апреля 1920 г.⁹ и доложенный 4 июля учредительному собранию петроградских литераторов, вызвал возражения, касающиеся положений о членстве в Союзе (§ 2) и едином Правлении (§ 4). Протокол учредительного собрания в архиве Союза не сохранился и составить представление о нем можно лишь по откликам прессы и упоминаниям в протоколах заседаний Правления. В Москве рассматривали Союз как ассоциацию деятелей художественного слова, членами его могли быть лишь писатели. В Петербурге же традиционно придерживались принципа профессиональной общности пишущих людей и в критические моменты труженики печати — литераторы, ученые, журналисты — всегда осознавали себя как единое целое. Именно в Петербурге были созданы Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым) и Касса взаимопомощи при нем,¹⁰ Постоянная комиссия для пособия нуждающимся уче-

⁷ Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С. 212.

⁸ С таким призывом Зиновьев выступил на заседании Петросовета после убийства М. С. Урицкого (30 августа 1918 г.). См. об этом: Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 154.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 1. В фонде Петроградского отделения Союза сохранились и документы Московского отделения, присланные для сведения и координации деятельности: машинописные копии протоколов заседаний Московского отделения Правления (МО Правления), копии устава, деклараций, постановлений.

¹⁰ Литературный фонд — благотворительная общественная организация, основанная в 1859 г. группой писателей, объединившихся вокруг журнала «Современник». Литфонд имел отделения в Москве и Киеве. Наряду с деятельностью по оказанию помощи нуждающимся литераторам и ученым Литфонд устраивал благотворительные концерты,

ным, литераторам и публицистам.¹¹ Традиции взаимовыручки и взаимопомощи, свойственные дореволюционной творческой интеллигенции, унаследовал и петроградский Дом литераторов, двери которого были открыты и для журналистов, и для писателей, и для ученых, и для артистов. При обсуждении пункта устава о составе Союза писателей эту же позицию заняло и Правление Петроградского Союза. «Петербургские писатели единодушно высказались за необходимость этот состав значительно расширить», — сообщал журнал «Книга и революция» об итогах обсуждения устава.¹² В середине августа 1920 г. Петроградское Правление утвердило разработанную А. Л. Волинским и Л. Я. Гуревич инструкцию к уставу, содержащую более широкую трактовку параграфа о членстве в Союзе и позволяющую объединить в Союзе и писателей, и журналистов, и переводчиков, и отдельных деятелей науки (Приложение 1). «В Петербурге, как известно, всегда было много журналистов, а теперь они даже и преобладают. Невозможно было отместить целую группу, да и время сейчас такое, когда целесообразнее действовать объединенно, а не каждому порознь», — пояснял позицию Петроградского Правления В. Я. Ирецкий.¹³ Петроградские писатели единогласно выступили и против пункта московского устава, касающегося Центрального Правления: «Кроме того было указано на ненормальность того положения, при котором Петербургский отдел оказался бы подчиненным Московскому, и собрание высказалось за необходимость создания независимых друг от друга Правлений Московского и Петербургского отделов с тем, чтобы весь Союз возглавлялся особо избранным Правлением, которое должно ведать делами всех его отделов».¹⁴ Устав, предложенный Московским Союзом, предоставлял выбор Центрального Правления общему собранию, то есть — московскому. Неравномерно распределялась и квота московских и петроградских представителей. Центральное Правление должно было состоять из пятнадцати членов и пяти кандидатов, причем шесть членов и два кандидата — от Петрограда, остальные — от Москвы. Президиум, исполнительный орган Центрального Правления, предполагалось составить из пяти лиц: председателя, двух товарищей председателя (один — от Петроградского Союза), секретаря и казначея. «Изменение § 4-го Устава», составленное Правлением Петроградского Союза в начале сентября 1920 г., предусматривало равноправные выборы единого Правления и равномерное число представителей

выставки, вечера, занимался издательской деятельностью. В начале 1920-х гг. деятельность Фонда была временно прекращена и возобновлена в 1926 г. В 1890 г. при Литературном фонде создана Касса взаимопомощи, преобразованная в 1918 г. в Общество взаимопомощи литераторов и ученых.

¹¹ Хохлова Н. А. Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 47—76.

¹² Сведения об учредительном собрании Петроградского Союза приведены в рубрике «Литературная жизнь» раздела «Хроника»: Книга и революция. 1920. № 1. С. 59.

¹³ Из письма В. Я. Ирецкого А. М. Эфросу от 14 мая 1921 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 249, л. 3 об.).

¹⁴ Книга и революция. 1920. № 1. С. 59—60.

обоих отделений (Приложение 2). Единый устав, учитывающий мнение петроградских литераторов, был принят общим собранием московских писателей 29 марта 1921 г. Пункт о едином Правлении выглядел следующим образом: «Правление Союза состоит из Московского и Петроградского отделов с 12 членами и 2 кандидатами в каждом отделе Правления и избирает из своей среды в качестве органа исполнительного Объединенный Президиум из 7 лиц: председателя Союза, 2 товарищей председателя, секретаря, товарища секретаря, казначея и товарища казначея, из коих один товарищ председателя, товарищ секретаря и товарищ казначея избирается по Петрограду».¹⁵ В Петрограде новая редакция устава обсуждалась, по-видимому, на общем собрании 19 ноября 1921 г., протокол которого в архиве не сохранился.

Долгое время отделения не могли прийти к общему мнению о председателе единого Президиума Союза. С ноября 1920 г. Петроградское Правление единодушно отстаивало кандидатуру М. Горького. Московское Правление в июне 1921 г. предложило избрать В. Г. Короленко. Через месяц, не получив поддержки петроградских коллег, Московское отделение выдвинуло три кандидатуры: А. Белого, А. Блока, Б. Зайцева. Петроградское Правление от решения воздержалось и вопрос о едином председателе не обсуждался до 1925 г. В ноябре 1925 г., после согласования с Петроградским отделением, председателем Объединенного Президиума избран В. В. Вересаев.

Существовал Союз на членские взносы, единовременные ссуды Дома литераторов,¹⁶ доходы от литературных вечеров и концертов, нерегулярные и небогатые дотации, получаемые с середины 1920-х гг. от Московского отделения Правления (МО Правления). В 1920 г. Правление дважды пыталось получить государственную дотацию. «Две сметы, составленные по всем правилам новейшей финансовой техники, к благоприятным результатам не привели. Очевидно, у русских писателей кредита еще не имеется», — докладывал секретарь Правления В. Я. Ирещкий общему собранию в ноябре 1921 г.¹⁷

Деятельность Союза развивалась в трех направлениях: материальная и правовая поддержка членов Союза, создание независимой издательской базы и независимого печатного органа, организация литературных вечеров. Задача изменения юридического статуса и экономического положения писателей на законодательном уровне, через специальный декрет Совнаркома определила деятельность Правления Союза в первые постреволюционные годы. С самого начала Правлению пришлось заниматься не столько творческими проблемами, сколько организацией всей писательской жизни: заботой о хлебе насущном, выработкой тарифных ставок, определяющих оплату труда

¹⁵ Цит. по машинописной копии устава, подписанной членами Московского Правления И. Новиковым (за председателя) и А. Эфросом (секретарь) и поданной Петроградским Правлением на регистрацию в Главнауку Академического центра Наркомпроса в сентябре 1922 г. (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 4 об.).

¹⁶ Вопрос об очередной ссуде Дома литераторов в размере 200 тысяч рублей обсуждался, в частности, на заседании Правления 26 апреля 1921 г.

¹⁷ Общее собрание состоялось 19 ноября 1921 г. Сохранился лишь доклад В. Я. Ирещкого (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 10, л. 10).

литературного работника и регулирующих отношения с издательствами, освобождением писателей от трудовой повинности, ходатайствами за арестованных, улаживанием творческих и житейских конфликтов. Правление считало необходимым в первую очередь «внести некоторую осмысленность и общественное начало в дело распределения пайков». На первом же заседании 6 июля 1920 г. рассматривался вопрос о розыске двадцати пяти «литературных» пайков, еще весной выделенных петроградским литераторам и до Петрограда не дошедших. Характерно, что крайне нуждающихся петроградских литераторов никто и не уведомил об этой «благотворительной» акции. Розыск правительственного распоряжения, затерявшегося в недрах московских канцелярий, длился несколько месяцев, пайки были получены лишь осенью и распределены между семнадцатью членами Союза писателей и восьмью членами Союза пролетарских писателей. В списке членов Союза писателей, получивших паек — А. А. Блок, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, А. Грин, М. А. Кузмин, Ф. Сологуб, Вл. Пяст, А. М. Ремизов.

На фоне общегосударственной политики уничтожения «буржуазной интеллигенции», к которой как «элемент нетрудящийся», были причислены и деятели русской литературы, все начинания Союза писателей, ориентированные на всемерную защиту литераторов, приобрели характер противоправительственных акций. В августе 1920 г. Петроградское Правление обратилось в Совнарком с ходатайством об улучшении материального положения петроградских писателей и выделении им 700 пайков по аналогии с «учеными» пайками, выдаваемыми деятелям науки через Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ; см. Приложение 3); в декабре выступило с декларацией, требующей легализации «голодающей и загнанной в подполье» русской литературы, ее юридического и экономического обеспечения, свободы печати, независимого издательства и печатного органа (Приложение 4). Многих усилий стоило получение через КУБУ «академических» пайков, предоставленных властью деятелям искусств. Из выделенных Петрограду 350 пайков «литературному бюро», состоявшему из представителей Союза писателей, Союза пролетарских писателей, Дома литераторов, Дома искусств, в марте 1921 г. удалось получить для писателей всего 87 пайков. «Это было проделано с настойчивостью, достойной увековечения; от комиссии, состоявшей из представителей МУЗО, ПТО, и Кино, и Всерабиса, приходилось зубами вырывать признания заслуг того или другого писателя», — сообщал В. Я. Ирецкий секретарю Московского Правления А. М. Эфросу.¹⁸ Реального получения «академических пайков» пришлось ждать более полугода. В ноябре 1921 г. Ирецкий с горечью докладывал общему собранию о составленном списке, «который, как известно, пока никого не накормил». В фонде Союза сохранилось несколько сотен заявлений с просьбой о предоставлении «академического пайка» и характеристикой

¹⁸ Из письма от 14 мая 1921 г. (Там же, № 249, л. 3 об.). МУЗО — Музыкальный отдел Наркомпроса. ПТО — Петроградский театральный отдел Наркомпроса. Всерабис (иногда — Сорабис) — Всероссийский союз работников искусств.

своего материального положения, в том числе — Н. С. Гумилева, В. А. Зоргенфрея, Г. В. Иванова, О. Э. Мандельштама, Вл. Пяста, «серапионовых братьев» И. А. Груздева, В. А. Каверина, М. М. Зощенко, Л. Н. Лунца. В феврале 1922 г. Правлению пришлось обращаться в КУБУ со специальным ходатайством, чтобы обеспечить пайком начинающих литераторов (Л. Н. Лунца, И. А. Груздева, С. Е. Нельдикена).¹⁹ Лишь через два года, в марте 1923 г., председатель Правления А. Л. Волынский смог доложить общему собранию членов Союза об «успехе в пайках от КУБУ».

В первую же финансовую смету Союза, составленную 8 декабря 1920 г., была заложена и выдача пособий и ссуд, но в течение трех лет из-за отсутствия денег материальная помощь оказывалась лишь в экстренных ситуациях. Напомним, что сметы 1920—1921 гг. Наркомпрос не утвердил. Правление вынуждено было передавать заявления членов Союза о материальной помощи родственным организациям и учреждениям: Дому искусств, Дому литераторов, Обществу взаимопомощи литераторов и ученых, Литературному фонду. В особых же случаях финансовое вспомоществование собиралось по подписке среди членов Союза, также плохо обеспеченных. Правление неизменно придерживалось нравственных позиций и стремилось поддержать самых нуждающихся, независимо от их писательского ранга. Лишь в самом конце 1920-х годов государству удалось расщепить писательское сообщество и заменить категории «взаимопомощь», «писательское братство» на категории «спецснабжение», «актив». В актив зачислялись не только члены Правления, но и лица, активно выполняющие социальный заказ и лояльные к официальной власти.

Правление старалось использовать любые возможности для получения продовольственной помощи от зарубежных организаций. В мае 1921 г. было даже принято постановление, обязывающее каждого члена Правления знакомить каждого иностранца с условиями жизни русских литераторов. Тогда же о бедственном положении российской интеллигенции были проинформированы прибывшие в Петроград финские ученые. В феврале 1922 г. Правление обратилось к Американской администрации помощи (American relief administration; ARA)²⁰ с просьбой о продовольственной поддержке и в мае были получены первые посылки, поступавшие до 1925 г. Представителем ПО Союза в петроградском комитете ARA был избран Е. И. Замятин. Правление взяло на себя и нелегкую обязанность распределения между членами Союза продуктовых подарков от ARA, требующую немалой выдержки и так-

¹⁹ Письма от 8 и 22 февраля 1922 г. (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 555, л. 53, 54).

²⁰ ARA, иногда — APA (1919—1923) — благотворительная организация США, созданная для помощи населению Европы, пострадавшему в мировую войну. На территории России действовала с 1 октября 1921 г. по 1 июня 1923 г. В течение первого года работы было отправлено 140 пароходов с продовольствием и медикаментами (см.: Петроградская правда. 1922. 22 июля. С. 1). О деятельности организации в России см.: *Макеев Н.* Америка — русскому народу (К годовщине работы APA в России) // *Современные записки.* 1922. № XI. С. 286—292; *Weissman B.* Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921—1923. Stanford: Hoover Institution Press, 1974. См. также: Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1993. Кн. 4. С. 323.

та. Сохранившаяся в архиве Союза небольшая переписка с зарубежными организациями свидетельствует и о получении продуктовых посылок от Петроградского землячества в Париже (1923 г.), Харбинского коммерческого собрания (1923 г.), денежного вспомоществования от Фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым в Нью-Йорке (1926—1927 гг.). Получению продовольственных посылок из Харбина содействовал высланный из России осенью 1922 г. секретарь Правления В. Я. Ирецкий.²¹

Поистине, Союз был единой литературной семьей, в которой заботились и о старых, и о малых, и об осиротевших семьях писателей. В 1923 г. Правление ходатайствовало перед АРА о помощи Н. Д. Михаловской, дочери поэта, переводчика Д. Л. Михаловского, проживавшей в Харькове: «Теперь ей 60 лет и здоровье ее совершенно надорвано долгим тюремным заключением; средств к существованию — никаких».²² После расстрела Н. С. Гумилева Правление приняло на себя попечение о его литературном наследии и семье. Надзор за положением семьи был поручен М. Л. Лозинскому, за литературным наследием — В. Я. Шишкову. Был забронирован продуктовый паек для его семьи, Дом литераторов и Дом искусств по просьбе Правления Союза оказывали посильную финансовую и продуктовую помощь детям Гумилева. В сентябре 1921 г. Союз пытался получить в Губчека его рукописи, но ходатайство осталось без ответа. Правление проводило и расчеты по издательским делам, и распределение литературных гонораров Гумилева. В январе 1922 г. гонорар от издательства «Всемирная литература» был поделен между А. Н. Гумилевой (150 миллионов рублей) и сыном, Л. Н. Гумилевым (250 миллионов).

В 1923 г. Правление неоднократно обсуждало вопрос о помощи дочери поэта К. М. Фофанова, А. К. Фофановой, за которую ходатайствовал В. В. Смиренский: «Анастасия — (ей сейчас 19 лет) — находится в чрезвычайно бедственном положении: торгует семечками, разумеется, без патента, под постоянным страхом ареста или штрафа, и живет бог знает где, из милости, терпя лишения и голодая. Считаю совершенно недопустимым такое явление. Фофанов умер всего лишь 12 лет назад, и память о нем, не только как о поэте, но как о человеке, еще жива во многих писателях, его знавших. <...> Перед дочерью знаменитого поэта открыты одни двери — в дом терпимости. Я не прошу, но требую, чтобы Союз писателей помог девушке. Ее надо спасти. Слишком ничтожная сумма потребуется на это. От работы она, разумеется, не отказывается. Прошу созвать (если это надо) экстренное собрание членов Союза. В крайнем случае необходимо устроить подписку, надо во что бы то ни стало изъять девушку из той среды, в которую ее загнали нужда и голод. Надо дать ей работу. Дать минимальное пособие на жизнь».²³ Не имея в тот период и «ничтожной суммы», Правление обратилось в КУБУ с просьбой о покупке для Фофановой обуви. Оче-

²¹ Сохранилось его письмо Правлению из Берлина от 23 февраля 1923 г., подписанное «В. Ир.» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 103, л. 9).

²² Там же, № 103, л. 13.

²³ Заявление написано 7 августа 1923 г. (Там же, № 96, л. 4 об.).

видно, от КУБУ был получен отказ и в итоге обувь приобрели на скудные средства Союза писателей.

Тогда и возникла идея создания фонда помощи вдовам, сиротам писателей и престарелым писателям. В обращении Союза к родственным литературным организациям и книгоиздательствам говорилось: «Петроградское Правление Всероссийского союза писателей берет на себя смелость обратиться к гражданскому чувству всех существующих в Петрограде книгоиздательских фирм, периодических изданий и книжных магазинов и покорно просит таковые сделать в указанный фонд пожертвования во имя общественности и уважения к Русской Литературе».²⁴ Сведений о деятельности фонда в архиве нет. Возможно, вследствие именно этого обращения Союз неоднократно получал денежные переводы от издательства «Время». В это же время Московское отделение Союза располагало несколькими иными финансовыми возможностями. Размер пособий и ссуд, выдававшихся довольно часто, составлял в среднем двадцать пять, а иногда и сто миллионов рублей.²⁵

Среди разнообразных обязанностей Правления — поиск пропавших в издательствах рукописей, поддержание в должном порядке писательских могил, хлопоты о возвращении писателям реквизированного властью имущества, о сложении с них квартирных и налоговых пошлин, о назначении пенсий, обеспечение жильем, устройство в санатории, больницы и дома призрения, урегулирование взаимоотношений литературных работников с издательствами, освобождение арестованных писателей. Уже 7 июля 1920 г. Правление составляет прошение об освобождении арестованного А. С. Изгоева, в октябре — об освобождении «одного из благородных и талантливых представителей публицистики» — В. А. Мякотина, в феврале 1921 г. — Изгоева, в апреле — А. А. Гизетти и Н. А. Рожкова, летом 1921 г. — Н. С. Гумилева, в октябре — Ю. Л. Слезкина, в августе 1922 г. — Е. И. Замятина. Судя по протокольным записям заседаний Правления, основными «ходаками» в Губчека были Н. М. Волковыский и В. Я. Ирецкий. Трудно переоценить смелость Правления, ходатайствовавшего в начале 1921 г. за целую группу писателей, арестованных по обвинению в причастности к Кронштадтскому восстанию (А. В. Амфитеатров, В. Я. Ирецкий, Г. В. Иванов, Вс. Рождественский, А. А. Гизетти, Н. А. Рожков, С. В. Познер, И. Б. Мандельштам, И. В. Амфитеатрова). Переговоры с соответствующими учреждениями были поручены А. А. Блоку, А. Л. Волынскому, Н. М. Волковыскому.

В ноябре 1921 г., подводя итог деятельности Правления за полтора года существования Петроградского отделения Союза, В. Я. Ирецкий докладывал общему собранию: «И несмотря на всякие нарекания, которые раздавались по адресу Правления, оно все же служило тем верным прибежищем, к которому прибегал обездоленный русский писатель, когда уж очень допекали его условия нашей жизни. Покойный Блок, извещая Государственное издательство о том, что он предпочи-

²⁴ Там же, № 108, л. 1.

²⁵ См. протоколы заседаний МО Правления Союза от 28 июля, 4 августа, 29 сентября, 17 ноября 1922 г. (Там же, № 712. л. 2 об., 3, 10, 18).

тает выпустить свою книгу в близком ему по духу частном издательстве, а не в Государственном, так как „его стихи никогда не служили политике“, считает нужным дать свое письмо на предварительный просмотр Правления и ждет от него моральной поддержки. Когда автор решает нарушить старый договор с издателем, неизвестно где находясь, он также обращается к Правлению и спрашивает, имеет ли он моральное право это сделать. Когда молодой писатель неисповедимыми путями добывает себе академический паек и узнает, что Правление Союза несколько косо смотрит на этот обход общественных начал, — он также обращается к Правлению с просьбой указать, как ему надо поступить. Или, наконец, когда писателя судят в народном суде по обвинению в уголовном деянии и выносят ему обвинительный вердикт, он тоже обращается в Правление Союза, ища помощи. Во всех этих обращениях к Правлению за моральной поддержкой оно само находило для себя моральную поддержку в сознании, что литературные традиции, несмотря ни на что, все еще существуют».²⁶

На протяжении двенадцати лет существования Союз неоднократно пытался организовать собственное издательство и выпуск «независимого литературно-критического и профессионального органа», но ни одно из начинаний не осуществилось. Впервые вопрос об издании собственного печатного органа обсуждался на заседании Правления 28 декабря 1920 г. Как известно, было задумано издание «Литературной газеты», органа всего Всероссийского союза писателей.²⁷ Составить представление о подготовке газеты можно лишь по скудным протокольным записям. Разработка ее программы была поручена Е. И. Замятину, П. К. Губеру, Н. М. Волковскому, А. Н. Тихонову. 4 января 1921 г. Правление утвердило представленную Замятиным программу. В редколлегию избраны А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, А. Н. Тихонов, К. И. Чуковский. Средства на издание поступили от Дома литераторов. К 18 января получено согласие Госиздата и Правление обращается в Госиздат с запросом об отпуске бумаги. 31 января Госиздат в предоставлении бумаги отказывает и предлагает заменить выпуск постоянной газеты неперiodическими сборниками. Правление принимает решение издавать двухнедельный журнал под названием «Литературная газета». В конце марта члены Союза извещаются о подготовке издания, выпуск первого номера планируется на конец апреля, в типографии отпечатывается объявление о подписке на «Литературную газету». 19 апреля Замятин сообщает Правлению о содержании издания. Содержание номера, подбор материала четко демонстрировали преемственность традиций предшествующей русской литературы, незави-

²⁶ Из доклада В. Я. Ирещкого общему собранию 19 ноября 1921 г. (Там же, № 10, л. 11—12). В упоминаемом письме Блока в Госиздат речь идет об издании третьего тома его стихотворений в издательстве «Алконост». Письмо обсуждалось на заседании Правления 8 февраля 1921 г.

²⁷ О подготовке газеты см.: *Сажин В. Н.* Неудавшийся прорыв немоты (О невышедшем номере «Литературной газеты» 1921 года) // Пятые Тынтяновские чтения. Рига, 1990. С. 162—167; *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95—112. В последнем издании впервые опубликован текст «Литературной газеты».

симуму позицию Союза, его отношение к свободе печати и политике власти в области литературы. В помещенном в номере письме Правления «В редакцию газеты „Последние новости“ в Париже», Правление, отвечая на упреки эмигрантской прессы в забвении традиций свободы, открыто заявляло: «Правление петербургского отдела выступило перед правительством с декларацией о бесправном положении русского литератора и на первый план выдвинуло в этой декларации вопрос о свободе печати. <...> На первом публичном вечере, организуемом нами, вопрос о свободе и независимости печати будет положен в основу выступления официального представителя правления».²⁸ Настрой оставшихся в России писателей на сохранение свободы печати был общим для всего Союза. На прощальном вечере Московского отделения Союза, устроенном в октябре 1921 г. по поводу отъезда А. Белого за границу, Б. Зайцев напутствовал его: «За границей Вы увидите много русских писателей, которые оказались там по разным обстоятельствам. Кое-что Вы сможете рассказать им о нас. Нас упрекают, что мы теперь — не вольные русские писатели. Передайте им, что это неправда. Русская литература — свободная литература, никогда не кланялась и мы верны ей».²⁹ Как дань верности свободной литературе мыслилась и подготовленная «Литературная газета». Но надежды на свободную литературу не оправдались. В середине 1921 г. государство преподало первый урок. Уже набранный номер «Литературной газеты», как «не отвечающий требованиям политического момента», был рассыпан.³⁰ 7 июня А. Н. Тихонов сообщил об этом Правлению, и тогда же было решено обратиться в ЧК за официальным ответом о причине запрещения газеты. Сведениями о каком-либо ответе Губчека мы не располагаем. В ноябре 1921 г., докладывая общему собранию «о печальной судьбе этого дорогого всем нам начинания, окрещенного дельвиговским названием — „Литературная газета“», В. Я. Ирещкий отмечал, «что это начинание поглотило у членов Правления немало труда и нервного напряжения».³¹ В мае 1922 г. по предложению Замятина Правление решило передать корректуру рассыпанного номера в Публичную библиотеку, дабы попытка создания независимой газеты вошла в летопись русской литературы. Через семьдесят лет текст «Литературной газеты» был опубликован по корректурному экземпляру, переданному в Публичную библиотеку в 1922 г. М. Л. Лозинским.³²

²⁸ Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года. С. 103.

²⁹ Цит по: Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. 1914—1933 / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой; Вступ. заметка Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 217.

³⁰ Цит. по: Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года. С. 95.

³¹ Из доклада общему собранию 19 ноября 1921 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 10, л. 9). На том же собрании Е. И. Замятин выступил с подробной информацией о подготовке газеты. Его сообщение в фонде Союза не сохранилось.

³² О поступлении экземпляра газеты через М. Л. Лозинского сообщено в коммент. М. Ю. Любимовой к публикации статьи Замятина «Пора», подготовленной для «Литературной газеты» (Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Буичи-

В 1921—1922 гг. Правление предприняло несколько попыток организации издательства и объединения вокруг Союза существующих петроградских издательств. В мае—июне 1921 г. по предложению издателя А. Э. Беленсона рассматривался проект создания самостоятельного издательства Союза. В июле 1921 г., после неоднократных переговоров с Беленсоном относительно статуса и состава правления издательства, его финансовых взаимоотношений с Союзом, был утвержден устав издательского отдела при Союзе. «Задача Отдела, — говорилось в уставе, — заключается в организации издательства и книжной торговли в интересах Союза. <...> Все функции по издательству под фирму Союза вцело переходят в ведение Отдела за исключением „Литературной газеты“, которая издается на прежних основаниях. Издательский отдел немедленно по утверждении настоящих Основных начал Правлением Союза приобретает полную автономию как в области распоряжения материальными средствами, так, равно, и в идейном руководстве издательством. В отношении отчетности Отдел подчиняется уставу Союза».³³ В издательскую коллегия вошли от Союза — А. Л. Волынский, Н. М. Волковыский, П. К. Губер, А. Н. Тихонов; от издательской группы — С. Ф. Ольденбург, А. Э. Беленсон, А. Е. Розинер. Сведений о деятельности издательства в архиве нет.

В 1922 г. ПО Правления Союза и Дом литераторов планировали создание совместного издательства.³⁴ Предполагался выпуск художественной литературы, книг литературно-критического, историко-литературного и общественно-научного содержания. В первую очередь намечалось издание уже разрешенного Дому литераторов сборника «Смена веков»,³⁵ сборников «Отражение эпохи» со статьями М. Я. Пергамента, А. Б. Петрищева, Ю. Анненкова, С. А. Золотарева, Вл. Шкловского и книги Е. М. Браудо о духовной жизни Германии 1921—1922 гг. Разрешение Госиздата не было получено. В протоколах заседаний Правления за май—июнь 1922 г. дважды упоминается о возобновляющемся издательстве Товарищества писателей и его желании наладить связь с Союзом. Нам не удалось установить, о каком Товариществе писателей идет речь. Вероятно, вопрос не разрешился на уровне переговоров. Тактика их проведения, намеченная Правлением, была ориентирована на автономные начала издательства.

В очередной раз вопрос об издательстве обсуждался весной 1923 г., была избрана коллегия в составе А. Л. Волынского, Ф. Сологуба, А. Н. Тихонова. Поданное в июне отношение поддержано Петроградским отделением Главлита, но через несколько месяцев отклонено Московским Главлитом. В августе—сентябре 1925 г. переговоры об издательстве велись с заведующим Госиздатом И. И. Ионовым. По-видимому, они протекали вполне благоприятно для Союза, был уже

на, М. Ю. Любимова; Предисл. и коммент. М. Ю. Любимовой. СПб., 1997. Вып. 3. Часть 2. С. 480).

³³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 128, л. 1.

³⁴ Черновик отношения в Госиздат о совместном издательстве, написанный рукой Н. М. Волковыского, сохранился в фонде Дома литераторов (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 31).

³⁵ Сборник «Смена веков» издан в 1922 г. издательством Дома литераторов.

намечен выпуск критико-библиографического и информационного журнала Союза, составлена его программа и просчитана стоимость номера.³⁶ На каком-то этапе и это начинание потерпело неудачу.

В марте 1925 г. в издательстве «Сеятель» планировался выпуск альманаха Союза писателей. Неприемлемые условия, предъявленные издательством, не позволили заключить договор. В начале 1926 г. был задуман неперiodический бюллетень «Писатель», в редколлегию которого избраны М. Э. Козаков, П. Н. Медведев, К. А. Федин и В. Я. Шишков. Поданное в Гублит ходатайство³⁷ не было удовлетворено. В дальнейшем, вплоть до 1931 г., вопросы издательской деятельности Союза не обсуждались.

Устройство литературных вечеров, неотъемлемой части деятельности Союза, диктовалось не только творческой заинтересованностью, но и финансовой необходимостью. Нередко это был единственный источник пополнения кассы. Каждый вечер имел конкретную материальную цель. Чаще всего — оказание помощи нуждающимся членам Союза. Иногда вырученные средства предназначались на поддержание могил писателей, в том числе — на охрану памятника и могилы А. С. Пушкина. Первые попытки организации вечеров на протяжении 1920—1922 гг. оказались неудачными. Так, в мае 1921 г. Правление дважды обращалось в Союз работников искусств (Сорабис) с ходатайством об устройстве двух вечеров в пользу Союза: «Улучшение материального и профессионального положения тех работников литературы, которые остались в пределах Советской России, должно быть задачей, одинаково близкой для всякого, кому дорого культурное будущее нашей родины. Союз писателей считает своим долгом всемерно содействовать тому, чтобы русские писатели оставались в России, а не вынуждались нестерпимыми условиями своего быта эмигрировать за ее пределы. Без средств, без возможности выпускать в свет свои издания, без возможности оказывать больному, усталому и нуждающемуся писателю и его семье материальную поддержку, Союз стоит перед неосуществимостью своей задачи».³⁸ Сорабис, мотивируя отказ «материальными целями вечера», отклонил оба ходатайства.

Изменение общественно-политической ситуации в 1922 г. не могло не сказаться и на деятельности Союза писателей. «Идеологическое наступление» государства на «буржуазную» интеллигенцию, начавшееся в конце 1921 г., через год завершилось высылкой из России духовной элиты, закрытием неугодных учреждений (Дом литераторов, Дом искусств) и журналов («Летопись Дома литераторов», «Литературные записки», «Утренники», «Экономист») и введением жесткого контроля за деятельностью литературных организаций. Осенью 1922 г. Правления обоих отделений потеряли нескольких членов. Н. М. Волковы-

³⁶ План журнала и расчеты, сделанные рукой К. А. Феина, сохранились в архиве секретаря Союза М. В. Борисоглебского (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 92, оп. 2, № 28; далее — ОР РНБ).

³⁷ Письмо ЛО Правления в Гублит датировано 2 апреля 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 125, л. 7).

³⁸ Из письма ПО Правления в Сорабис от 18 мая 1921 г. (Там же, № 329, л. 3 об.).

ский и В. Я. Ирецкий (Петроградское отделение), Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев и М. А. Осоргин (Московское отделение) — были высланы из России. Плашировавшаяся высылка еще одного члена Петроградского Правления, Е. И. Замятина, арестованного 17 августа, была отложена, но дело закрыто лишь 8 августа 1924 г.³⁹

С осени 1922 г. государство ввело перерегистрацию всех обществ и союзов в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) с обязательным согласованием устава, списка членов общества и состава руководящих органов. Учитывая важность правительственных постановлений, изменивших деятельность литературных организаций, риском утомить читателя их перечислением. 12 июня 1922 г. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) издает постановление «О порядке разрешения съездов и совещаний», пункт второй которого предписывает НКВД в двухнедельный срок зарегистрировать и взять на контроль все союзы и общества и не открывать новые без санкции НКВД.⁴⁰ Через короткое время появляется ряд постановлений и инструкций, разъясняющих порядок и последовательность регистрации: постановление ВЦИК и Совнаркома (СНК) от 3 августа «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними»,⁴¹ «Инструкция по регистрации союзов и объединений» и инструкция о выдаче разрешений на созыв съездов и собраний организаций, союзов и объединений, изданные ВЦИК 10 августа.⁴² Согласно этим документам, общества и союзы обязывались в двухнедельный срок со дня опубликования представить в Отдел управления Губисполкома⁴³ устав, списки членов объединений и их правлений. С соответствующей резолюцией Губисполкома документы препровождались в НКВД. И Отдел управления Губисполкома, и НКВД получали право закрыть любое общество в случае его несоответствия каким-либо установкам власти. Записанное в уставе всех литературных объединений право членов объединений самим решать на общем собрании вопрос о ликвидации, становилось фикцией. Так, в октябре 1922 г. был закрыт Дом

³⁹ Об истории несостоявшейся высылки Замятина см.: *Замятин Е.* Письмо А. К. Воронскому. К истории ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922—1923 гг. / Публ., сопровод. текст и прим. А. Ю. Галушкина // *De Visu*. 1992. № 0. С. 12—13; *Лахузен Т., Максимова Е., Энриос Э.* О синтетизме, математике и прочем...: Роман «Мь» Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104—109; *Любимова М. Ю.* «Высылка отсрочена до особого распоряжения...»: Документальные штрихи к биографии Евгения Замятина // *Всемирное слово*. 1996. № 9. С. 71—73; *Галушкин А. Ю.* У «Зеленой стсны»: Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции // *Русская мысль*. 1997. 2—8 окт., № 4191. С. 10; 9—15 окт., № 4192. С. 10; 16—22 окт., № 4193. С. 10; *Файман Г.* «И всадили его в темницу...»: Замятин в 1919, в 1922—1924 гг. // *Новое о Замятине: Сборник материалов* / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 78—88.

⁴⁰ Известия ВЦИК. 1922. 18 июня, № 134. С. 4.

⁴¹ Там же. 12 авг., № 180. С. 4.

⁴² Там же.

⁴³ Отдел управления Губисполкома (Петрогубисполкома) по своим функциям и задачам был преемником Комиссариата внутренних дел Петрограда (1918—1919), преобразованного в Отдел управления Петроградского городского Совета (1919—1920), затем — в Отдел управления Петрогубисполкома.

литераторов, Комитет которого безуспешно пытался добиться разрешения на созыв общего ликвидационного собрания. По распоряжению НКВД от 12 октября (№ 321) общества и союзы обязывались ежемесячно представлять в Губисполком сведения (отчеты) о деятельности, составе обществ и их правлений, ежегодно проходить перерегистрацию в НКВД. Названные постановления не распространялись на организации профсоюзные, объединяемые ВЦСПС. Союз же писателей, созданный на основе профессиональной общности, профсоюзной организацией не признавался. Надо сказать, что не все литературные организации не считались профессиональными. Так, в феврале 1923 г. НКВД, отвечая на заявление Союза драматических и музыкальных писателей (Драмосоюз) о регистрации, сообщал Союзу, что «ввиду чисто профессионального характера деятельности Союза устав такого, согласно декрету ВЦИК и СНК от 3/VIII—22 г., утверждению и регистрации в НКВД не подлежит».⁴⁴

По логике развивавшихся событий власти должны были закрыть и Петроградский Союз писателей. К тому времени он, как и Дом литераторов, уже имел репутацию одного из центров литературной жизни, находящегося «в руках белых».⁴⁵ Но в отношении Петроградского Союза, объединявшего цвет дореволюционной литературной интеллигенции и насчитывавшего 215 членов, последовали иные санкции. Партийный аппарат потребовал изменения устава Союза и состава руководства. Обстоятельства согласования в НКВД устава Союза и состава Правления Петроградского отделения — одна из страниц в летописи противостояния петроградских литераторов диктату официальной власти.⁴⁶ В архиве Союза сохранились лишь разрозненные свидетельства этой истории, но и они позволяют восстановить общую канву диалога Союза писателей с властью. Мы не располагаем сведениями о пакете документов Петроградского отделения, поданных в Губисполком или НКВД осенью 1922 г., но вокруг одного документа можно поразмышлять. Это выписка из письма НКВД Всероссийскому союзу писателей (Москва) от 28 декабря 1922 г. (исходящий № 11810/2), сделанная секретарем Московского отделения А. Соболев:

⁴⁴ Из письма Административного отдела НКВД в Петроградский Губисполком от 6 февраля 1923 г. (ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, № 243, л. 16). По-видимому, Драмосоюз повторно обращался с заявлением о регистрации и утверждении устава. 19 июня НКВД сообщал уже самому Драмосоюзу, что «при вторичном пересмотре дела об утверждении устава первое постановление НКВД, о котором сообщалось через ПГИ — (Петроградский Губисполком — Т. К.) — № 934/2 признано правильным» (Там же, л. 105).

⁴⁵ Такую характеристику Петроградского союза писателей в начале июля 1922 г. дал заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев в докладной записке Сталину (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 39).

⁴⁶ Этот эпизод уже излагался нами в работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» (Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 108—125). В настоящем издании используются новые документы.

«НКВД сообщает, что устав Вашего Союза может быть утвержден при следующих условиях:

а) исключения из состава Правления и членов Общества лиц:

Н. А. Бердяева, Ю. И. Айхенвальда, М. А. Осоргина, Н. М. Волковыского, Е. И. Замятина, В. Я. Ирецкого и А. М. Редько.

С подлинным верно.
Секретарь А. Соболев».⁴⁷

Впервые в истории русской литературы государство предписывало писателям, кто может быть членом писательского содружества, а кто — нет. На первое предписание Правления обоих отделений, по-видимому, ответили скрытым протестом. Судя по тому, что в письме упомянуты литераторы, в начале осени уже намеченные к высылке и в сентябре—ноябре покинувшие Россию, можно предположить, что в начале сентября в Губисполком и НКВД были отправлены списки с именами высылаемых властью, но не исключенных писательским сообществом членов Правления. В 1922 г. иначе и не могло быть. Руководствуясь незабываемыми для дореволюционного писателя положениями устава и понятиями чести, Петроградское отделение (как, видимо, и Московское) представило список Правления, законно избранного общим собранием 19 ноября 1921 г. (А. А. Ахматова, А. Л. Вольнский, Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, П. К. Губер, Л. Я. Гуревич, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, В. А. Мазуркевич, Вас. И. Немирович-Данченко, А. М. Редько, В. Ф. Ходасевич, В. Я. Шишков, В. Б. Шкловский, П. Е. Щеголев). К сентябрю 1922 г. Немирович-Данченко, Ходасевич и Шкловский уже были за границей.⁴⁸ Высылаемые из России Волковыский и Ирецкий (как и упомянутые члены Московского Правления) готовились к отъезду. Замятин, высылка которого была отложена благодаря хлопотам друзей, усиленно добивался разрешения на выезд. Редько по неясным для нас причинам в работе Правления участия не принимал и ни в одном заседании не участвовал.⁴⁹ Упоминание его имени в письме НКВД лишь подтверждает наше предположение о поданном списке законно избранного Правления. Нам неизвестно, какие документы были посланы Петроградским отделением в НКВД в ответ на предписание от 28 декабря, и посылались ли вообще. Но негативная позиция Петроградского Союза и его Правления совершенно оче-

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 39, л. 3.

⁴⁸ Прозаик, поэт, публицист *Василий Иванович Немирович-Данченко* (1845—1936) в конце 1921 г. эмигрировал в Берлин, затем — в Прагу. Поэт, прозаик, критик *Владислав Фелицианович Ходасевич* (1886—1939) эмигрировал 22 июня 1922 г. Прозаик, литературовед *Виктор Борисович Шкловский* (1893—1984) на показательном процессе по делу правых эсеров был обвинен в причастности к заговору. В марте 1922 г. бежал по льду Финского залива за границу. См. об этом в прим. А. Ю. Галушкина к его публикации «В. Б. Шкловский. Письма М. Горькому (1917—1923 гг.)» (De Visu. 1993. № 1. С. 41—42).

⁴⁹ В работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» мы, не имея на тот период сведений об избрании А. М. Редько в ноябре 1921 г. в Правление, высказывали иные предположения относительно появления его имени в письме НКВД, которые, впрочем, лишь подкрепляют закономерность его упоминания. См. в сб. «Евгений Замятин и культура XX века» (С. 113).

видна. Замятин не только продолжал работу в Правлении, но и, бывая в Москве по делу о своем отъезде, наводил справки о возможности скорейшей легализации Союза и утверждения устава в НКВД, о чем дважды, в декабре 1922 г. и феврале 1923 г., сообщал Правлению. Вопрос об исключении Волковыского и Ирецкого Петроградским отделением не поднимался ни в 1922 г., ни в последующие годы. Лишь однажды, на заседании 24 октября 1922 г., было решено «ввиду отъезда из Петрограда Волковыского избрать второго представителя от Союза в пайковую комиссию при Акцентре». По-видимому, не решаясь все же обострять ситуацию, Правление заняло выжидательную позицию и даже попыталось скрыть факт вхождения Замятина в новый состав. В январе 1923 г. Замятин был вновь намечен в состав будущего Правления, но созыв ежегодного общего собрания, правомочного переизбрать Правление, шесть раз откладывался «до утверждения устава» и «уведомления о регистрации» Союза. 21 февраля 1923 г. устав Союза утверждается в НКВД и 23 марта, за несколько дней до общего собрания, Правление подает документы на регистрацию в Отдел управления Губисполкома. Но вместо анкетного списка членов Правления по требуемой форме подает обычный список-перечень прежнего Правления (с Замятиным) с указанием на истечение срока полномочий, и список лиц, намеченных в новое Правление (без Замятина). 3 апреля на документе появляется резолюция представителя Губисполкома: «Ожидать, т<ак> к<ак> нет адреса отделения Союза в Петр<огра>де и списка Правления по установленной форме». 19 апреля датировано новое указание: «Один экз<емпляр> списка и Устава в ГПУ на просмотр и на комиссию». ⁵⁰ Между 23 марта, датой подачи документов на регистрацию, и 19 апреля, датой последней резолюции Губисполкома, состоялось общее собрание ЛО Союза (29 марта). Понимая важность этого собрания, Правление, не имевшее в тот момент союзных денег, собирало собственные средства (по десять рублей с члена Правления) для рассылки повесток. Реакция членов Союза, несомненно, знавших о возможном отъезде Замятина и требовании НКВД, была вполне определенной. Замятин в очередной раз подавляющим большинством голосов (48 из 54) был избран в состав Правления. Не получив санкции Губисполкома на регистрацию ПО Союза до общего собрания и выборов Замятина, Правление вынуждено было 18 апреля представить в Губисполком новый пакет документов с анкетным списком законно избранного Правления, включавшим и Замятина. Очевидно, по получении этого списка и появилась резолюция заведующего Столом регистрации Административного подотдела Отдела управления Губисполкома от 19 апреля 1923 г. Не удивительно, что через месяц, в мае 1923 г., НКВД во второй раз попытался отстранить Замятина от работы в Союзе. 25 мая Московское Правление сообщало петроградским коллегам:

«Ввиду того, что пока не аннулировано постановление Наркомвнудела относительно Е. И. Замятина, Московский отдел Правления Все-

⁵⁰ ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 190, л. 2.

рос<сийского> Союза писателей настоящим извещает Петербургский отдел Правления, что в представляемый список членов Петербургского отдела Правления Е. И. Замятин войти не может. О восстановлении Е. И. Замятина в его правах вопрос в Наркомвнуделе нами возбужден. Анкета должна быть подписана председателем и секретарем Петербургского отдела. Соболю волею препроводить ее нам.

Секретарь А. Соболю».⁵¹

И вновь Правлению пришлось защищать одного из своих лидеров. Ответ, составленный председателем Правления Волынским и одобренный всеми членами Правления на экстренном заседании 15 июня 1923 г., настолько характерен для позиции Петроградского отделения Союза, в течение многих лет упорно отстаивавшего свою независимость и защищавшего каждого из своих членов, что нельзя не привести его полностью:

«Представляя анкетные листы членов Правления Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей, Правление почитает своим долгом оговорить нижеследующее:

Выборы Правления состоялись 29 марта 1923 года на общем собрании входящих в Союз писателей с соблюдением всех установленных на этот счет правил, причем ни бывшее Правление, ни общее собрание не были положительно осведомлены, что состав избираемых членов нового Правления подлежит тем или иным ограничениям. Составившийся таким образом список членов Правления представляется при сем для сообщения в соответствующие места и учреждения.

Осведомившись лишь ныне о том, что избрание Е. И. Замятина противоречило предположениям руководящих правительственных инстанций, Правление признает необходимость высказать следующие соображения.

Оно никаким образом и ни в каком отношении не солидаризируется ни с одним из своих членов ни в чисто литературном, ни в гражданственно-политическом, ни в научно-философском смысле. В настоящем своем составе Правление, крайне разнообразное и разнохарактерное, представляет собою энциклопедическую мозаику, обеспечивающую беспристрастно-терпимое и всестороннее обследование нужд и жизни современной литературы. Русская литература достаточно натерпелась в своей среде, в собственных своих берегах от всевозможных видов засилья и ныне, в тяжелых условиях материального существования, полна желаний утвердиться на истинно культурном пути согласного сотрудничества всех работников художественного слова и построительно-творческой мысли. Объективно лояльная позиция Правления и гарантируется именно этим драгоценным разнообразием его состава, где труд представляется в своей чистой форме, совершенно изъятый от сторонних воздействий отдельных идеологов литературной секунды. Даже Достоевский и Л. Н. Толстой не могли бы претендовать больше, чем на один голос в совещательном органе, призванном коллективно блюсти интересы писательского существования.

⁵¹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 39, л. 29.

Не имея формального права кассировать со своей стороны состоявшихся совершенно лояльно выборов и руководствуясь, с другой стороны, вышеизложенными принципиальными соображениями, Правление просит, приняв это во внимание, дать представляемым листам законный ход.

1 июня 1923. А. Волынский». ⁵²

По-видимому, события, связанные с отъездом Замятина⁵³ все же колебали решимость Правления. Отсылку подготовленных анкет Правления задержали «до информации из Москвы». 28 августа был даже составлен запрос в Московское отделение Правления относительно того, «все ли члены Правления могут рассчитывать на официальное признание», и выражена готовность переизбрать Правление. Сведений о дальнейшем прохождении в НКВД отосланных анкет в архиве Союза нет. Было ли Правление все же утверждено в полном составе, или Союз в очередной раз ослушался приказа Москвы, оставив Замятина в Правлении, пока остается неясным. 23 октября, после летнего перерыва, Замятин уже присутствовал на заседании Правления и в дальнейшем активно участвовал в его работе. 15 марта 1924 г., еще до официального прекращения ГПУ «дела» Замятина (8 августа 1924 г.), он вновь был избран в Правление.

В декабре 1922 г. НКВД потребовал от Союза писателей и изменения устава, в частности, пунктов о членстве в Союзе и подотчетности Губисполкому и НКВД. 29 декабря МО Правления, обсуждая отношение НКВД о перерегистрации Союза, постановило «представить изменения в Уставе, соответственно указаниям Наркомвнудела, отстояв пункт о необходимости стажа для вступления в Союз». ⁵⁴ В новой редакции устава писатели вынуждены были зафиксировать и необходимость ежемесячного представления в Губисполком отчетов о деятельности и ежегодной перерегистрации Союза в НКВД (раздел «Управление делами Союза»). Петроградское отделение изменения в уставе не обсуждало. Этот устав действовал до конца 1929 г.

В конце 1922 г. Правление Союза выступило с инициативой создания в Петрограде Дома писателей по образцу московского (так называемый «Дом Герцена»; Тверской бульвар, 15) и пыталось для этой цели получить помещение и имущество закрытого к тому времени Дома литераторов. В 20-х числах декабря 1922 г. делегация Союза писателей, посетившая Л. Б. Каменева для обсуждения вопроса о действиях цензуры, исходатайствовала и его согласие на передачу Дома литераторов Союзу писателей. Очевидно, вопрос этот был поднят Замяти-

⁵² Там же, л. 30.

⁵³ В июне—июле 1923 г. из Москвы приходили противоречивые сведения о возможности отъезда Замятина за границу. «От Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса с Каменевым и Лидина с Воронским. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать», — сообщал Замятин жене (Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. Вып. 3. Часть 1. С. 240).

⁵⁴ Цитируется по копии протокола заседания МО Правления Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 712, л. 24).

ным, входившим в состав делегации.⁵⁵ Им же по поручению ПО Правления было составлено заявление Правления в Петроградский отдел Академического центра Наркомпроса с изложением просьбы и ссылкой на согласие Каменева.⁵⁶ Несмотря на личное ходатайство Каменева, обратившегося с письмом к заведующему Петроградским Акцентром М. П. Кристи,⁵⁷ инициатива Союза не получила поддержки петроградской власти. Повторное обращение Союза в марте 1923 г. в Акцентр и Петрогубисполком также оказалось безрезультатным.⁵⁸

Первая половина 1923 года прошла под знаком регистрации Союза, в ожидании официальной «легализации» Союза властью и пере выборов Правления. С лета 1923 г. характер работы Союза стал постепенно меняться, приобретая более четкую профессиональную направленность. С созданием весной 1923 г. литературной (вечеровой) комиссии (В. А. Азов, Е. И. Замятин, Ф. Сологуб, А. Н. Тихонов, К. А. Федин) возобновилась работа по организации вечеров. Наряду с открытыми литературными вечерами для широкой публики, устраиваемыми чаще всего в помещении Академической капеллы, еженедельно, по средам и субботам, проводились закрытые литературные собрания, где читались и обсуждались новые произведения и куда допускались лишь гости по рекомендации членов Союза. Первое публичное выступление членов Союза состоялось 16 июня, первое литературное собрание с участием А. Л. Волынского, Е. И. Замятина, Ф. Сологуба, В. Я. Шишкова — 18 июня. Вечера прививались трудно, писатели откликались неохотно, посещаемость была невелика, доход незначительный.

Наряду с литературной, при Правлении были созданы конфликтная и хозяйственная комиссии. Конфликтная комиссия (бывший суд чести) рассматривала иски литераторов к издательствам, разногласия друг с другом по вопросу об авторстве и плагиате.

В марте 1924 г. председателем Правления Союза был избран Ф. Сологуб. А. Л. Волынский, возглавлявший Союз в течение трех лет, отказался баллотироваться в Правление, мотивируя свое решение как «причинами принципиального характера, так и переутомлением и чрезмерной перегруженностью работой». Через несколько лет, после кончины Волынского, последовавшей в 1926 г., память первого руководителя Союза была почтена изданием сборника «Памяти Акима Львовича Волынского» (Л., 1928) со статьями К. А. Федина, П. Н. Медведева, Э. Ф. Голлербаха, М. А. Фромана, А. Г. Горнфельда, Е. А. Грековой, Б. М. Эйхенбаума и других. В предисловии к сборнику, написанном от

⁵⁵ 8 декабря 1922 г. Замятин присутствовал на заседании МО Правления Союза и был включен в состав делегации. См. копию протокола заседания МО Правления Союза (Там же, л. 21 об.).

⁵⁶ Письмо ПО Правления Союза от 29 декабря 1922 г. подписано председателем Правления А. Л. Волынским (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 8).

⁵⁷ Письмо Каменева к Кристи зачитывалось 19 января 1923 г. на заседании Московского отделения Правления (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 712, л. 25).

⁵⁸ На письме ПО Правления Союза в Акцентр, подписанном А. Л. Волынским и В. Я. Шишковым, помета: «Послано отношение в Петрогубисполком. 14.03» (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 9).

имени Правления, отмечалось, что Волынский возглавил петроградских писателей «в очень трудное для Союза писателей время, когда, разбросанные в разные стороны революционным землетрясением писатели, вновь стали осознавать себя, чувствовать себя некой единой общественной группой, вновь начали строить свою профессиональную организацию. На это важное общественное дело А. Л. Волынским положено много труда и сил». Сборник этот остался единственным, выпущенным под маркой Союза писателей.

Середина 1920-х гг. — период активной творческой и разноплановой хозяйственной деятельности, укреплявшей позиции Союза. Одно из первых начинаний нового Правления — поиск собственного помещения Союза. Весной 1924 г. было рассмотрено несколько вариантов, предложенных Союзу городской властью: залы в здании на ул. Халтурина (д. 22), занимаемые Пушкинским Домом, и — в доме на набережной реки Мойки, где размещалась последняя квартира Пушкина. В июне 1924 г. удалось арендовать небольшую квартиру на набережной реки Фонтанки (д. 50, кв. 26), принадлежавшую ранее Вольной философской ассоциации. Союз принял на хранение и небольшое дело-производство Вольфилы. Здесь в течение нескольких лет и размещались канцелярия, возникшие вскоре библиотека, музей, проводились заседания Правления. С 1926 г. заседания Правления и большие литературные вечера нередко устраивались в помещениях, предоставляемых Домом печати (дворец графини Шуваловой на набережной Фонтанки).

С конца 1924 г. творческая работа Союза проводилась по секциям: прозаиков и поэтов (с сентября 1924), переводчиков (с декабря 1924), критиков и историков литературы (с мая 1925), детской литературы (в 1925), биобиблиографов (с мая 1925), писателей-краеведов. Впоследствии секция прозаиков и поэтов была преобразована, созданы секция прозаиков и драматургов, секция поэтов (в 1927 г.). В октябре 1929 г. организована отдельная секция беллетристов. В январе 1930 г. секция переводчиков Союза писателей упразднена и выделена в секцию переводчиков при Федерации объединений советских писателей (ФОСП).

В 1924 г. Правление Союза арендовало «Дом писателей» на набережной реки Карповки. Основанный в 1899 г. Литературным фондом, «Дом писателей» был первым в России писательским общежитием. В ноябре 1918 г. здание заняла некая группа коммунистов, потеснившая постоянных жильцов. В течение нескольких лет «Дом» принадлежал Отделу коммунального хозяйства (Откомхоз). В общежитии Союза писателей, занимавшем здание по ул. Литераторов, д. 19 и флигель по ул. Песочной, д. 10, проживали литераторы Л. И. Аверьянова-Дидерикс, Я. В. Годин, В. А. Мякотина, А. П. Чапыгин, Б. Д. Четвериков, В. И. Эрлих, художники П. Н. Филонов, Б. В. Эндер, ветераны народо-вольческого движения О. В. Аптекман, В. Н. Засулич, Г. А. Лопатин, Н. С. Тютчев, В. Н. Фигнер. В «Доме писателей» размещалась богатая библиотека, пожертвованная Литфонду писателем В. О. Михневичем и пополнявшаяся Литфондом. В 1924 г. она насчитывала 3300 то-

мов, в том числе — около 1000 ценных изданий. В 1929—1930 гг. Союзу удалось провести в зданиях капитальный ремонт. В 1931 г. «Дом писателей» вновь перешел в ведение возобновленного в 1926 г. Литфонда.

По предложению прозаика, критика, переводчицы А. М. Аничковой Союз с 1925 по 1927 г. арендовал имение ее мужа, историка литературы Е. В. Аничкова, — Ждани в Боровичском уезде Новгородской губернии. 30 мая 1925 г. был заключен арендный договор с Боровичским уездным земельным управлением, в усадьбе устроен дом отдыха для членов Союза, комендантом назначен секретарь Ленинградского отделения (ЛЮ) Правления Союза М. В. Борисоглебский. Несмотря на удобное расположение на берегу живописной реки и дешевые продукты питания, успехом среди писателей дом отдыха не пользовался. Лишь немногие писатели побывали здесь, в частности, летом 1926 г. здесь жил В. Я. Шишков. В 1926 г. был заключен договор с Союзом драматических и музыкальных писателей о совместном использовании усадьбы, а в 1927 г. из-за тяжелого финансового положения Союза арендный договор был расторгнут.

Библиотека Союза и Литературный музей, созданный в 1925 г., постоянно пополнялись приносимыми в дар книгами, рукописями, письмами, иконографическими материалами. Значительный комплекс материалов Е. В. Аничкова был привезен из его имения Ждани. Интерес представляют письма деятелей литературы (В. Я. Брюсова, А. А. Шахматова, А. Н. Веселовского) к Аничкову, относящиеся к его работе по изданию собраний сочинений классиков литературы, подготовке историко-литературных статей и сборников. Очевидно, через заведующего Музеем В. В. Смиренского был получен обширный архив поэта К. М. Фофанова, состоявший из большого комплекса писем к нему, автографа его стихотворения «Он младенцем милым...», писем Н. Н. Захарова-Мэнского к В. В. Смиренскому, декларации «неоклассиков», материалов общества «Кольцо поэтов имени Фофанова». Иногда, не имея возможности приобрести ценные материалы за счет Союза, члены Правления покупали их вскладчину, на собственные деньги. Так в апреле 1925 г. был приобретен альбом с автографами А. А. Блока, А. М. Ремизова, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, В. В. Розанова, принадлежавший художнику И. К. Пархоменко.

С 1924 г. началась и активная «вечеровая» деятельность Союза. Устраивались не только открытые литературные выступления и литературные собрания членов Союза, но и юбилейные вечера, вечера памяти скончавшихся писателей. В 1924 г. был организован большой юбилейный вечер по случаю сорокалетия творческой деятельности Ф. Сологуба, в 1926 г. в Большом драматическом театре состоялся вечер памяти А. А. Блока. Деятельное участие в организации открытых вечеров принимал председатель Правления Ф. Сологуб. «Словом, работает за всех один Сологуб. Выступал в пятницу у поэтов, в субботу у нас. Готов выступать в Детском и где угодно, кажется, чтобы только пополнить казну. Если бы у молодых было столько энергии и желания работать, мы бы горы сдвинули», — писала А. В. Ганзен секретарю

Правления М. В. Борисоглебскому.⁵⁹ Вечер в Детском Селе с участием Ф. Сологуба был устроен 12 июля 1925 г. «От вечера в Детском 12/VII чистого получилось 50 р <ублей>, а вечер был сделан наскоро, без особых афиш. Публики было битком; успех исполнителей огромный. Участвовали Кузмич, Баршев, Анненский, Леонид Борисов, Лавренев, Медведев, Рождественский, Чапыгин и кто-то восьмой. Теперь затевают в Павловске, берут *театр*, приглашают *Сейфул<л>ину, Садофьева* и хотят из Москвы пригласить Вересаева...».⁶⁰ Выступление В. В. Вересаева с докладом «О художественном оформлении нового быта (Об обрядах старых и новых)» состоялось 18 января 1926 г. в зале Академической капеллы. В диспуте по докладу приняли участие Г. Е. Горбачев, И. И. Ионов, Б. А. Лавренев, П. Н. Медведев, А. Н. Толстой, И. И. Садофьев, К. А. Федин. Весь доход в размере 215 рублей был передан докладчиком в кассу ЛО Союза. «Это было большим экономическим событием в нашей жизни, и мы глубоко благодарны Вам за оказанную нам помощь. Стенографический отчет Вашего доклада помещен в Музей нашего Отдела», — сообщал М. В. Борисоглебский в благодарственном письме Вересаеву.⁶¹ В пользу Союза устраивались и закрытые литературные вечера, на которых по подписным листам собирались пожертвования, в том числе — и от членов Правления. На подписном листе закрытого вечера 26 ноября 1925 г. с выступлением Е. И. Замятина, Ф. Сологуба, Л. Н. Сейфуллиной, В. В. Смиренского, Е. Я. Данько первым вписан Ф. Сологуб, сделавший самый большой взнос в кассу Союза. Стремясь увеличить доход от вечеров, Правление неоднократно приглашало к участию в них московских знаменитостей. В сентябре 1925 г. с такой просьбой обратились к председателю Наркомпроса А. В. Луначарскому: «Ленинградский отдел Правления Всероссийского союза писателей предполагает устроить большой литературный вечер-концерт, весь сбор с которого поступит в пользу нуждающихся членов Союза. Ленинградский отдел объединяет свыше 350 литераторов, огромное большинство которых находится в крайне стесненных материальных условиях. Между тем Союз не располагает решительно никакими средствами, чтоб прийти на помощь своим бедствующим членам. Предполагаемый вечер является попыткой добыть эти необходимые средства, и успех вечера, в случае Вашего согласия принять в нем участие, несомненно, обеспечен».⁶² Принципиальное согласие Луначарского было получено, вечер назначен на 26 октября 1925 г., городские власти дали разрешение, Правление арендовало зал Филармонии, но за три дня до назначенного срока из Москвы пришло письмо, подписанное секретарем наркома и извещающее, что «ввиду ухода в отпуск» А. В. Луначарский не сможет принять участие в вечере. На этом история подготовленного вечера, по-видимому, и закон-

⁵⁹ Из письма от 22 июня 1925 г. (ОР РНБ, ф. 92, оп. 1, № 236, л. 3 об.).

⁶⁰ Из письма от 16 июля 1925 г. (Там же, л. 5).

⁶¹ Из письма от 20 февраля 1926 г. (Там же, № 176, л. 2). В архиве ЛО Союза сохранилась машинописная копия доклада В. В. Вересаева, помеченная инвентарным номером Музея ЛО Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 340, л. 17—33).

⁶² Там же, № 329, л. 13.

чилась. Во всяком случае, в архиве Союза дополнительных сведений нет.

Благотворительные цели вечеров не освобождали Союз ни от высокой арендной платы за помещение, ни от налогов, ни от иных поборов.⁶³ Довольно часто организационные расходы и налоги поглощали почти весь доход. Так, валовый доход от благотворительного литературно-музыкального вечера, устроенного 10 мая 1926 г. в Большом зале Филармонии с участием А. А. Ахматовой, Е. И. Замятина, М. М. Зощенко, М. А. Кузмина, Ф. Сологуба, А. Н. Толстого, К. А. Федина, В. А. Каверина, приглашенного из Москвы М. А. Булгакова, артистов А. К. Глазунова, Е. М. Тиме, Н. Н. Ходотова, Н. Н. Рождественского, составил 1300 рублей. С оставшихся после организационных расходов 200 рублей Союз должен был заплатить 117 рублей 68 копеек местного налога и 58 рублей 84 копейки в пользу Красного Креста. Правление обратилось в Финансовый отдел Губисполкома с просьбой об освобождении от выплат, так как это было бы «равносильно почти полному изъятию от Союза и той небольшой суммы, которую удалось выручить».⁶⁴ В ответ пришло письмо с отказом и угрозой штрафа в размере 300 рублей и уголовной ответственности в случае неуплаты: «...дальнейшая же задержка устроителями зрелищ и увеселений собранных ими сумм местного налога со зрелищ, а равно и сбора в пользу РОКК влечет за собою возбуждение против ответственных лиц судебного преследования за растрату или присвоение по ст<атье> 113 или 185 Уголовного кодекса».⁶⁵

В 1927 г., к десятилетию Октябрьской революции, Союз организовал литературно-художественную выставку «Работа ленинградских писателей. 1917—1927 гг.», на которой экспонировались рукописи, книги, автобиографии, портреты 131 члена Союза. Среди участников — А. А. Ахматова, Ф. Сологуб, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, К. А. Федин, В. Я. Шишков. Несмотря на скромные размеры, она была признана самой интересной юбилейной выставкой и получила одобрительные отзывы прессы: «В отличие от выставки в „Доме печати“, где показана продукция наших издательств, здесь собрана продукция отдельных писателей, их книги и рукописи. <...> Устроители стремились выявить, по мере возможности, деятельность всех членов Союза без различия „удельного веса“. <...> Имеются на выставке книги и автографы ныне покойных членов Союза: А. Л. Волынского, А. А. Блока, С. А. Есенина, Д. Я. Айзмана и др<угих>. Весьма интересен литературно-бытовой материал — статистические данные, групповые фотографии и пр<очее>».⁶⁶ Подготовленный выставочным ко-

⁶³ Налоги с вечеров взимались с 1922 г. по постановлению ВЦИК и Совнаркома «О введении налога с публичных зрелищ и увеселений» от 22 июня 1922 г. (Известия ВЦИК. 1922. 25 июня, № 139. С. 4).

⁶⁴ Из письма ЛО Правления в Финансовый отдел Губисполкома от 5 мая 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 330, л. 28).

⁶⁵ Из письма Налогового подотдела Финансового отдела Губисполкома от 10/13 июля 1926 г. (Там же, л. 55).

⁶⁶ Цит. по заметке анонимного автора («Библиофил»), вырезанной из неустановленной газеты (ОР РНБ, ф. 92, оп. 2, № 18, л. 3).

митетом (председатель Э. Ф. Голлербах, секретарь П. Я. Заволокин) каталог по финансовым причинам издать не удалось. Была выпущена лишь тоненькая памятка «Работа ленинградских писателей. 1917—1927: Выставка» (Л., 1927) с указанием участников.

В 1924—1926 гг. ЛО Правления попыталось в очередной раз добиться законодательного признания труда писателя равноправным с другими профессиями и улучшения правового и материального положения писателей. Еще в 1918 г. литераторы были отнесены, «как элемент нетрудящийся», к категории лиц свободной профессии, а литературные союзы не имели официального статуса профессиональных организаций, что лишало их многих прав и льгот. Созданная в конце 1924 г. специальная комиссия Правления в составе В. С. Миролубова, К. А. Федина, Ю. Н. Тынянова, А. А. Долинина, М. В. Борисоглебского обследовала условия жизни ленинградских писателей. Полученные анкетные данные 89 членов Союза (более трети всего состава) были таковы, что комиссия вынуждена была констатировать в своей отчетной сводке: «Не подлежит сомнению, что если такое положение будет продолжаться, то в очень недалеком будущем значительный процент этих 89-ти лиц и еще очень многих из не приславших ответов на анкеты, но известных Правлению Союза как переживающие тяжелую нужду и дошедшие до полного отчаяния, — выпадут из литературы, а очень многие и из жизни, закончив ее, после десятков лет честного труда, в полной нищете, голоде и тяжелых болезнях. <...> Между тем, в числе лиц, находящихся в описанном выше тяжелом положении, имеются не только престарелые писатели, уже завершившие свой творческий путь, но и молодежь, только вступающая в жизнь и литературу, и люди зрелого, сознательного возраста, проникнутые, и те и другие, желанием работать и отдать свои силы и дарования на служение родному искусству. Все это говорит за то, что такое положение не может и не должно больше продолжаться».⁶⁷ События 1925 г. — Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», утвердившее более либеральную политику «тактичного и бережного отношения» к писателям-попутчикам, публикации в «Правде», призывающие политическое руководство заняться литературой не только «„идейно“», но и „материально“»,⁶⁸ бытовые привилегии, полученные научными работниками к двухсотлетию Академии наук, — вселяли надежду и на внимание государства к положению писателей. 30 октября 1925 г. ЛО Правления отправило в ЦК ВКП(б) и Наркомфин ходатайство от имени всего Союза, составленное по итогам обследования (Приложение 5). В мае 1926 г. положение писателей обсуждалось на совещании представителей Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, Союза драматических и музыкальных писателей (Дра-

⁶⁷ «Данные обследования правового и материального положения членов Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. Материалы 1925 г.» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 110, л. 140, 141).

⁶⁸ *Осинский Н.* Литературные заметки // Правда. 1925. 28 июля, № 170. С. 5.

мосоюз), Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК). В ходе пяти заседаний рассмотрены вопросы об авторском праве, взаимоотношениях с издательствами, о заработке, налогах, квартплате. Принято решение об обращении к правительству с ходатайством от имени всех писателей Ленинграда, организации «показательного судебного процесса против нарушения прав писателей издательствами», созыве осенью 1926 г. конференции ленинградских и московских литературных организаций по вопросу о материально-правовых проблемах.⁶⁹ Конференция, как и показательный судебный процесс, не состоялась, но докладная записка от имени ЛО Союза с приложением общих сведений о направлении деятельности Союза, результатов обследования условий жизни ленинградских писателей в 1925 г. и перечнем необходимых мер, была отправлена в октябре 1926 г. в Отдел печати Северо-западного бюро ЦК партии (Приложение 6). Предложения ЛО Союза (создание единой профессиональной организации (Местком писателей), общего для всех Литературного фонда, кооперативного издательства, Федерации писательских организаций) в значительной степени отражали тенденции общегосударственной политики в области литературы, установку партии на будущую консолидацию литературных сил, заложенную в постановлении ЦК РКП(б) 1925 г.

В конце 1926 г. в ленинградском Союзе работников просвещения образован Местком писателей, составившийся из представителей разных литературных объединений. Как уже отмечалось, Всероссийский союз писателей, объединявший писателей на основе профессиональной общности, не имел статуса самостоятельной профсоюзной организации. В конце 1923 г. по решению ВЦСПС писатели были отнесены к Союзу работников просвещения лишь на основе «индивидуальной профессионализации».⁷⁰ Массовое вступление писателей во Всероссийский профессиональный союз работников просвещения (в секцию печати и секцию научных работников) и Всероссийский профессиональный союз работников полиграфической промышленности (в секцию печати) относится к 1925 году. В конце 1926 г. была возобновлена и деятельность Литературного фонда.

Вопрос о создании Федерации прорабатывался в Москве уже в первой половине 1926 г. В начале июля А. Н. Тихонов, представитель Ленинградского отделения Правления в Московском отделении, сообщал М. В. Борисоглебскому: «По этому поводу на днях было устроено дипломатическое совещание представителей Союза, ВАППа и Союза крестьянских писателей. Соглашение как будто налаживается. Основы его таковы: 1) общая платформа — резолюция ЦК РКП 6 мая прошлого года, касающаяся литературы;⁷¹ 2) каждая из сторон сохраняет пол-

⁶⁹ См. в протоколах совещания (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 112).

⁷⁰ Желание самих писателей войти в профсоюз Всероссийского союза работников искусств не было учтено. Эту информацию сообщала Л. Я. Гуревич в письме В. Я. Шишковой от 18 декабря 1923 г. (Там же, № 254, л. 5 об.). ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов.

⁷¹ Очевидно, имеется в виду резолюция «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. Проект ее под названием «О пролетарских писате-

ную самостоятельность. Одним из первых мероприятий — учреждение Литературного фонда. Переговоры продолжаются. С издательством дело затянулось. Главлит две недели держит наше заявление, не рассматривая его». ⁷² 27 декабря 1926 г. на учредительном собрании представителей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП), Всероссийского союза писателей (ВСП) была образована Федерация объединений советских писателей. ⁷³ Согласно уставу, ФОСП учреждалась с целью «планомерного участия советских писательских организаций <...> в развертывании культурной революции и наибольшего содействия <...> всем мероприятиям Советской власти и Коммунистической партии в деле социалистического строительства», борьбы «писательской общественности со всеми проявлениями враждебной рабочему классу идеологии в области советской литературы», «организованного революционного классового воспитания писателей-, попутчиков» и постепенного перевода их на рельсы пролетарской идеологии». ⁷⁴ Совет Ленинградского отделения ФОСП состоял из представителей организаций, вошедших в объединение: ЛО ВСП, ЛО Всероссийского союза поэтов, ЛО ВОКП, ЛАПП, Литературного объединения Красной армии и Флота (ЛОКАФ). ФОСП получила собственное издательство, а с 1929 г. — собственный печатный орган — «Литературную газету». Все наиболее важные вопросы творческой, организационной и хозяйственной деятельности проходили согласование и утверждение в ФОСП, планомерно проводившей линию на идейно-политическую и творческую консолидацию писательских сил.

Весной следующего года все начинания «снизу» получили официальную поддержку и закрепление в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О писательских организациях». ⁷⁵ Сравнение содержания «Докладной записки» ЛО Союза и постановления Политбюро позволяет высказать предположение, что комиссия, готовившая это постановление, располагала и «Запиской» ЛО Союза.

Как ни странно, но с возникновением ФОСП временно укрепились и позиции всего Союза, получившего возможность влияния на писательские организации. За короткое время Союз завоевал едва ли не больший авторитет в писательской среде, нежели РАПП. ⁷⁶ ЛО Союза имело довольно мощное представительство в Совете ЛО ФОСП. В 1927 г. в его состав входили наиболее активные члены ЛО Правле-

лях» обсуждался в Политбюро ЦК РКП(б) 13 февраля и 5 мая 1925 г. См. об этом в сб.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 14.

⁷² Из письма от 3 июля 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 164, л. 3—3 об.).

⁷³ О ФОСП см. публикацию А. И. Павловского «Федерация объединений советских писателей и ее Ленинградское отделение (1926—1932 гг.)» в сб. «Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов» (С. 362—374).

⁷⁴ Там же. С. 364—365.

⁷⁵ Постановление принято 5 мая 1927 г. Опубл.: «Счастье литературы». Государство и писатели. С. 42—43.

⁷⁶ На усиление роли ВСП в литературном процессе конца 1920-х гг. указывал в марте 1928 г. рапповец С. Родов в докладной записке в Комиссию Оргбюро ВКП(б) по созыву съезда пролетарских писателей («Счастье литературы». Государство и писатели. С. 52).

ния ВСП — М. В. Борисоглебский, Е. И. Замятин, М. Э. Козаков, П. Н. Медведев, К. А. Федин. Е. И. Замятин был избран и в редколлекцию предполагавшегося издательства ЛО ФОСП. Е. И. Замятин и К. А. Федин (оба — заместители председателя Правления) фактически возглавляли ЛО Правления Союза во время длительной болезни Ф. Сологуба в 1927 г. В январе 1928 г., после кончины Ф. Сологуба, последовавшей в декабре 1927 г., Е. И. Замятин стал председателем временного Правления, избранного «до приезда отсутствующих членов Правления» (председатель постоянного Правления — В. Я. Шишков). Характеризуя настроения членов Правления в 1926—1927 гг., секретарь Правления М. В. Борисоглебский вспоминал: «Любя Союз, Ф<едор> К<узмих> отдавал ему все свои последние силы, всячески стараясь развить и укрепить его. Он был сторонником строго замкнутой, профессиональной жизни Союза и не сочувствовал выходу на политическую арену. „Молодые люди“, как он называл Федина, Козакова, Медведева, <...> стали его политическими противниками. К ним после смерти Ф<едора> К<узмиха> присоединились даже такие, как Е. И. Замятин. Они тянули Союз в политику, в тактичное “припадание к стопам власти“, в сферу засвидетельствования, и довольно к тому же неискреннего, своей лояльности и сочувствия существующему строю. Ф<едор> К<узмих> осуждал это. Он всячески хотел доказать, что Союз может существовать независимо, без покровительства и надзора власти. И пока был жив Ф<едор> К<узмих>, так и было. Но вскоре же после его смерти все изменилось. <...> Сопротивление Ф<едора> К<узмиха> политиканству восстановило против него большую часть Правления настолько, что последний год мне стоило больших усилий уговорить лидеров враждебного крыла Федина и др<угих> пойти на избрание Ф<едора> К<узмиха> в Правление».⁷⁷

1 февраля 1928 г. в Академической капелле состоялся вечер памяти Ф. Сологуба, 5 февраля — закрытое литературное собрание в помещении Союза. Вступительное слово о Ф. Сологубе на вечере в Аккапелле произнес Е. И. Замятин, с докладами выступили А. Белый («О творчестве Сологуба») и Л. В. Пумпянский («Сологуб как поэт»). В чтении стихов участвовали артисты театров А. И. Шварц, М. И. Бриан, М. В. Юдина. Правление намеревалось почтить память своего председателя изданием собрания его сочинений и сборника его памяти. Ни то, ни другое не состоялось. От издания сборника стихотворений Лентгиз отказался, своей же издательской базы у Союза не было.

В переломном 1929 г. началось планомерное наступление власти на литературные организации, в частности, на Ленинградское отделение Союза писателей, в значительной степени состоявшее из писателей-путчиков и занимавшее, даже в 1929 г., достаточно независимую позицию.⁷⁸ В середине 1929 г. развернулась кампания по устранению наи-

⁷⁷ Борисоглебский М. В. Последнее Федора Кузмиха (ОР РНБ, ф. 92, оп. 1, № 140, л. 7).

⁷⁸ О подготовке Секретариатом ЦК ВКП(б) новой линии в политике партии по отношению к литературным организациям см. в работе А. Ю. Галушкина «„Дело Пильняка и Замятина“. Предварительные итоги расследования» (Новое о Замятине: Сборник материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 92—104).

более активных и независимых руководителей Союза, в частности, заместителя председателя ЛО Правления Е. И. Замятина.⁷⁹ 2 мая в однодневной «Литературной газете», выпущенной Ленотгизом и ЛО ФОСП, были опубликованы эпиграммы члена Правления РАПП А. И. Безыменского на ряд писателей-попутчиков. Эпиграмма на Е. И. Замятина звучала как политический приговор: «Тип — Замятин / Род — Евгений / Класс — буржуй / В селе — кулак / Результат перерождений / Сноска: враг». Президиум ЛО Правления ВСП в постановлении от 5 мая категорически осудил появление всех эпиграмм, дал оценку эпитаграммы на Замятина как «клеветнической, безответственной и порочащей его как советского гражданина» и потребовал от ЛО ФОСП выступить с официальным заявлением по поводу инцидента. В течение полутора месяцев ситуация утрясалась между канцеляриями ЛО ВСП и ЛО ФОСП, откладываявшей решение вопроса. Лишь 25 июня, почти через два месяца после появления эпитаграммы, в «Литературной газете» было опубликовано постановление Исполбюро ЛО ФОСП, содержащее достаточно осторожную оценку эпитаграммы «как недопустимого материала внелитературного характера». В этом же постановлении ЛО ФОСП, основываясь на том, что представители ЛО ФОСП в редакции однодневной газеты (И. И. Садофьев и Л. И. Раковский) эпитаграммы не просматривали, поспешило снять с себя ответственность за политическую клевету. Постановление ЛО Правления Союза, отсланное и в «Литературную газету», и в Московское отделение, так и не появилось в печати. Не получив должной и своевременной защиты и поддержки от Союза писателей и ФОСП, Замятин подал заявление о выходе из состава ЛО Правления.

Весной 1929 г. Московское и Петроградское отделения обсуждали качественно новые для Союза писателей документы: проекты новой литературно-общественной платформы (Приложение 7) и декларации Союза. Очевидно, необходимость их выработки была связана не только с общественно-политической ситуацией 1929 г., но и с готовившейся резолюцией партии по пересмотру политики государства по отношению к литературе и писателям-попутчикам. Сообщения о резолюции появлялись в печати с конца 1928 г.⁸⁰ Новые документы Союза должны были продемонстрировать его готовность всей своей деятельностью включиться в строительство социализма. Всероссийский союз писателей впервые намеревался выступить с поддержкой политики партии в области «культурной революции и социалистического строительства». Впервые за свою историю Союз заявлял и о необходимости очистить свои ряды от «пассивных или враждебных» элементов. Повидимому, Правления рассчитывали укрепить тем самым позиции Союза и отвести возможный удар. В то же время, ссылаясь на «печать переходного периода», которым отмечена современная литература, авторы документов отводили Союзу писателей особое место среди ли-

⁷⁹ Этот эпизод более подробно освещен в нашей работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» (С. 116—119).

⁸⁰ См. об этом: *Галушкин А. Ю.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования. С. 94—100.

тературных организаций, обусловленное его историей, составом, «принципиальным отношением к программам социально-политического и художественно-формального характера, которые в качестве отличительного своего признака выставляют другие писательские общества», наконец — сохранением в Союзе «исконного и основного требования, предъявленного Союзом к своим сочленам: высоко квалифицированного литературного труда». Союз оставлял за собой и право на объединение «представителей всех литературных форм», признавая, тем самым, существование разных литературных течений, методов, форм и индивидуальностей, что противоречило рапповским установкам на полную победу метода реализма. Проекты документов, разработанные московским Правлением, в начале июня обсуждались в Ленинграде, но совместное обсуждение было отложено «ввиду каникулярного времени до 1 сентября». В сентябре события пошли иным чередом.

Осенняя кампания 1929 г. по реформированию Всероссийского союза писателей, начавшаяся с исключения из Союза Е. Замятина и Б. Пильняка за публикацию за границей романа Замятина «Мы» и повести Пильняка «Красное дерево», завершилась первой в истории Союза масштабной «чисткой» его состава, реорганизацией Всероссийского союза писателей во Всероссийский союз советских писателей (ВССП) и полной «коллективизацией» всей писательской жизни. События сентября—октября 1929 г. достаточно подробно изложены в работах А. Ю. Галушкина.⁸¹ Коротко перечислим лишь основные моменты. Как известно, кампания началась с публикации статей Б. Волина и Е. Зозули,⁸² выступивших с жесткой критикой факта появления произведений советских авторов в зарубежной печати и деятельности Союза писателей, не имеющего единой политической платформы и состоящего из «различно настроенных литераторов — от мистиков до коммунистов». Дальнейшие события развивались по тщательно спланированному сценарию. От Союза писателей потребовали исключения Замятина и Пильняка, преобразования Союза в организацию с соответствующей партийным установкам идеологической программой. Реакция ЛО Правления Союза на начавшуюся кампанию была негативной. Выступления в печати были расценены как «дискредитация Союза в глазах советской общественности». В ходе кампании имя За-

⁸¹ Галушкин А. Ю. К допечатной истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921—1924) // *Themes and Variations = Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Л. Флейшмана*. Stanford, 1994. P. 366—375 (Stanford Slavic Studies; Vol. 8); *Он же*. Из истории литературной «коллективизации» // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. СПб., 1996. Т. 2. № 2. С. 437—478; *Он же*. Дело Пильняка и Замятина. Предварительные итоги расследования // *Новое о Замятине: Сборник материалов / Под ред. Л. Геллера*. М., 1997. С. 89—146. См. также коммент. Евг. Барабанова в кн.: *Замятин Е. Сочинения / Сост. Т. В. Громова, М. О. Чудакова; Авт. послесл. М. Чудакова; Комментар. Е. Барабанова*. М., 1988. С. 526—641.

⁸² Волин Б. О «Литературной газете» (В порядке самокритики) // *Литературная газета*. 1929. 12 авг., № 17. С. 1; *Он же*. Недопустимые явления // Там же. 1929. 26 авг., № 19. С. 1; Зозуля Е. О Всероссийском союзе писателей (Письмо в редакцию) // Там же. 1929. 19 авг., № 18. С. 1.

мятина стало для писателей символом прежнего Союза с его организационной автономностью, гуманитарной позицией и пониманием права художника на свободное творчество. Защитить Замятина — означало защитить Союз.⁸³ Почти месяц Правление пыталось отстаивать свою точку зрения. Был подготовлен проект резолюции, снимавший с Замятина политическое обвинение:

«О существовании романа „Мы“ в переводах Евг. Замятин неоднократно заявлял печатно в своих библиографиях и автобиографиях (см. „Вестник литературы“, „Литературная Россия“ под редакцией В. Г. Лидина, автобиография в Собрании сочинений Замятина, изданном Федерацией, и прочее). Сведения об этих переводах появлялись и в наших советских газетах, не вызывая вопросов советской и литературной общественности. <...> В силу изложенного ЛО Правления ВСП считает:

1. Аналогии между поступком Б. Пильняка и появлением за пределами СССР романа Замятина „Мы“ усмотреть нельзя по следующим основаниям: повесть Б. Пильняка „Красное дерево“ написана в 1928 г. и опубликована в 1929 г.; роман Евг. Замятина „Мы“ написан в 1920 г. при совершенно иной политической и социальной ситуации и появился в переводе на английский язык в конце 1925 г., причем повесть Пильняка претендует на изображение современной советской действительности, а роман Замятина принадлежит к числу внебюджетных утопических романов».⁸⁴

22 сентября состоялось заседание Правления и общее собрание членов ЛО Союза, на котором с соответствующими указаниями вышестоящих инстанций и с подготовленной резолюцией по «делу Пильняка и Замятина» и по реорганизации всего Союза присутствовали представители МО Правления В. Т. Кириллов, В. П. Кин, Л. М. Леонов, Л. Ю. Шмидт. На заседании Правления (с участием гостей из Москвы) проект отстоять не удалось, и Правление приняло московскую резолюцию, признающую появление в зарубежной прессе романа «Мы» политической ошибкой Замятина. Эта резолюция и была предложена общему собранию. Обсуждение ее проходило далеко не единодушно. Настроение значительной части собравшихся выразил в своем выступлении А. А. Гизетти:

«Инцидент раздут; объяснения Замятина вполне удовлетворительны. То, что он не протестовал в печати, есть лишь житейская неосторожность. <...> Существуют незыблемые, священные и неприкосновенные права личности и художественного творчества, в область кото-

⁸³ В качестве подтверждения приведем высказывание А. А. Фадеева на II Пленуме РАПП 22—25 сентября 1929 г.: «Они его очень берегут. Это одна из тех фигур, на которых держится в значительной степени демократическая интеллигенция, которая сейчас смыкается через Замятина. Они не решаются отказать от него до сих пор, потому что он для них является выполнением тех выпрепанных вещей, которые они о себе говорят». Цит. по: *Галушкин А.* Дело Пильняка и Замятина. С. 124—125.

⁸⁴ Публикуется по черновику, написанному рукой неустановленного лица (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 78, л. 15—15 об.). Дата появления романа «Мы» на английском языке указана неверно. Роман был издан в Нью-Йорке в 1924 г.

рых никакая государственная или общественная власть вторгаться уже не может и не должна, если она дорожит интересами культурного развития».⁸⁵

«Это выступление, — сообщала «Красная газета», — было поддержано далеко не жидкими аплодисментами».⁸⁶ В последовавшей в печати «проработке» указывалось на «антисоветский, мракобесный характер» выступления Гизетти, противника реформирования Союза, к тому же — «участника кронштадтского заговора».⁸⁷ При перерегистрации членов Союза осенью 1929 г. это выступление послужило поводом для постановки вопроса о его исключении. Лишь после вынужденного публично высказанного согласия с основными положениями реформы Союза, Гизетти был оставлен в Союзе.⁸⁸

Характеризуя события 22 сентября, обозначившие рубеж в истории Союза, Федин писал Замятину: «Разброд и растерянность Правления достигли страшных размеров. Решения принимались наспех и под таким чудовищным давлением, что под конец все чувствовали себя совершенно раздавленными. Правление „было взято“ измором. Общее собрание было прервано для того, чтобы правление вынесло окончательное решение по твоему делу. И решение было вынесено. „Работа“ велась непрерывно с трех часов дня, когда началось заседание правления, до двенадцати ночи, когда окончилось общее собрание».⁸⁹ Следующее собрание 13 октября в присутствии авторитетной московской делегации коммунистов-рапповцев (Л. Л. Авербах, Ю. Н. Либединский, А. А. Фадеев) утвердило резолюцию предыдущего собрания, осудившую «попущки» Пильняка и Замятина. Дальнейшее пребывание Замятина в Союзе ставилось в зависимость «от безоговорочного осуждения им самим своего антисоветского поступка». В резолюции констатировалась необходимость реорганизации Союза, выработки единой литературно-общественной платформы, «чистки Союза от чуждых социалистическому строительству элементов». Тогда же избрано новое Правление: М. Л. Слонимский (председатель), М. Э. Козаков (заместитель председателя), Н. С. Тихонов (заместитель председателя), Н. В. Баршев (ответственный секретарь), Н. Л. Браун, А. В. Ганзен (казначей), А. Крайский, П. Н. Медведев, Е. М. Лаганский, Л. И. Раковский, В. М. Саянов, О. Д. Форш; кандидаты — С. А. Семенов, И. И. Садофьев, Е. М. Тагер, М. А. Фроман, А. П. Чапыгин, Е. Л. Шварц. Пожалуй, это было последнее собрание ленинградских писателей, отличавшееся «лица не общим выраженьем». В защиту Е. И. Замятина выступили Е. М. Тагер, Г. Э. Сорокин, А. В. Туфанов, Н. Я. Рашковский. В знак протеста против исключения Замятина и

⁸⁵ Из протокола общего собрания ЛО Союза от 22 сентября 1929 г. (Там же, № 14, л. 31).

⁸⁶ Красная газета. Веч. вып. 1929. 23 сент., № 238. С. 2.

⁸⁷ Литературная газета. 1929. 30 сент., № 24. С. 1.

⁸⁸ Объяснительное заявление Гизетти опубли.: Красная газета. Веч. вып. 1930. 25 янв., № 21. С. 4.

⁸⁹ Из письма от 23 сентября 1929 г.: «...Мне сейчас хочется тебе сказать...»: Из переписки Бор. Пильняка и Евг. Замятина с Конст. Фединым / Публ. Н. К. Федино; [Вступ. ст. и коммент. А. Н. Старкова] // Литературная учеба. 1990. Кн. 2. С. 83.

Пильняка и соглашательской позиции Союза, заявления о выходе из Союза подали А. А. Ахматова,⁹⁰ Б. Л. Пастернак, М. А. Булгаков; заявления о выходе из Правления — Н. В. Баршев, К. А. Федин, В. В. Вересаев (МО), А. Г. Малышкин (МО).

Одним из основных этапов реорганизации стала перерегистрация членов Союза, именовавшаяся «чисткой». Ее целью было освобождение от «пассивной оппозиции», «реакционной части Союза».⁹¹ В первую комиссию по перерегистрации, созданную 26 сентября 1929 г., через несколько дней после «переломного» собрания, были избраны В. Е. Евгеньев-Максимов, Е. М. Лаганский, А. Крайский, Инн. Оксенов, В. А. Каверин, вскоре подавший заявление о выходе из ее состава. В ходе всего двух заседаний этой комиссии были разработаны принципы перерегистрации и исключено 25 членов Союза. При аттестации учитывалось: «а) занятие литературой как основной и постоянной профессией в период последних 5 лет, за исключением особых уважительных случаев по усмотрению настоящей к<омис>ссии или Правления ВСП; б) достаточная литературная квалификация; в) отсутствие сведений об общественно-литературных антисоветских выступлениях и деятельности <...>». 19 октября состав комиссии был изменен. В протокольной записи заседания Правления причина изменения не указана. Комиссия в новом составе (П. К. Губер, П. Н. Медведев, Инн. Оксенов, В. М. Саянов, В. И. Эрлих) в течение нескольких заседаний пересматривала предыдущие постановления и восстановила в Союзе многих писателей, в частности, старейших его членов — Е. А. Грекову и Е. И. Зарину. В Ленинградском отделении перерегистрация конца 1929—начала 1930 г. не имела такого размаха, как последующая «чистка» 1931 г. Перед началом кампании, 1 июля 1929 г., в Союзе числилось 358 человек. К концу декабря 1929 г. было исключено 74 человека, причем 63 из них — члены секции переводчиков, автоматически переведенные из Союза в особую секцию при ФОСП. Их перерегистрация проходила в два этапа: в квалификационной комиссии секции, созданной 23 октября 1929 г. по решению общего собрания секции, и в комиссии Союза по перерегистрации. В 1930 г. ЛО Союза потеряло еще 11 человек, причем лишь трое — действительно исключены. «За безобразное поведение в стенах Союза» был исключен В. М. Андреев, за отказ подписать протест одной из фабрик Белоруссии против «вредителей, членов Промпартии» — Ю. Л. Берзин и Л. М. Вайсенберг.⁹² В середине 1931 г. из ЛО Союза выбыло уже 82 человека, в начале 1932 г. — 56. Эти данные были доложены Правлением на общих собраниях членов Союза 2 января 1931 г. и 24 февраля 1932 г. Итоги пере-

⁹⁰ Автограф заявления Ахматовой, считавшегося утраченным, хранится в архиве ЛО Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 78, л. 35). Оpubл. нами в сб. «Евгений Замятин и культура XX века» (С. 432).

⁹¹ Такую характеристику получили члены ЛО Союза, выступавшие на перевыборном собрании 13 октября 1929 г. См. в статье «Основные задачи ВССП» (Литературная газета. 1929. 23 дек., № 36. С. 1).

⁹² В. М. Андреев и Ю. Л. Берзин восстановлены в Союзе в июле, Л. М. Вайсенберг — в августе 1931 г.

регистрации довольно часто пересматривались. Члены Союза, исключенные в 1929 г., могли быть вновь приняты в следующем году, поэтому окончательную цифру установить довольно трудно. К тому же, официально показывались иные цифры. Так, в постановлении Объединенного Президиума Правлений от 18 января 1930 г., одобдившего реорганизацию ЛО Союза, отмечено, что в конце 1929 г. выбыло 65 человек.⁹³ Поскольку документ публиковался в печати, то вполне понятно и стремление проиллюстрировать перестройку ЛО Союза и его «чистку» «от чуждых социалистическому строительству элементов» высокой цифрой. Из каких составляющих она сложилась, в постановлении, конечно, не раскрывается. Эта же цифра приводится и в официальном «Письме» ЛО Правления в редакцию «Красной газеты», составленном в ответ на критику деятельности ЛО Правления по реорганизации Союза, прозвучавшую в статье члена ЛАПП Н. В. Слепнева.⁹⁴ В Московском отделении в октябре 1929 г. исключено 80 членов Союза. Мотивировка исключения была разнообразной и менялась в зависимости от общественно-политической ситуации: неуплата членских взносов, отъезд из города, недостаточная литературная активность, отсутствие литературной квалификации. Основной же причиной, конечно, была идеологическая. В 1929 г. она оформлялась достаточно нейтрально: «в связи с оторванностью от жизни Союза». В 1931—1932 гг. формулировки стали вполне откровенными. В январе 1932 г. комиссия исключила из Союза Д. Хармса как «порвавшего всякую связь с идейно-творческой работой Союза». В том же году был исключен Н. А. Клюев «как абсолютно чуждый по своим идейным и творческим установкам советской литературе писатель». В 1929 г., в условиях только что начавшейся «перестройки» Союза, оба поэта были перерегистрированы в Союзе. Для понятийных координат начала 1930-х гг. характерна и формула «считать проверенными» вместо формулы 1929 г. «оставить в числе членов ВСП» или «утвердить в правах члена ВСП». В 1930—1932 гг. для многих писателей условием перерегистрации в Союзе являлось публичное признание своих идейно-творческих ошибок. В начале 1932 г. Иванову-Разумнику было предложено «дать развернутое положение отношения к идейно-творческим установкам Союза». Довольно часто писатели обязывались включиться в творческий смотр или творческую дискуссию (Б. П. Корнилов, Н. А. Заболоцкий, Б. М. Эйхенбаум, К. К. Вагинов, Г. А. Гуковский). Привычной нормой жизни Союза стали публичные покаяния, метко названные Замятиным «психической эпидемией покаяний».⁹⁵ В конце декабря 1931 г. с признанием грубых ошибок идеалистического и формалистического порядка, допущенных в своих работах, выступил литературовед и критик П. Н. Медведев. «Эти теоретические ошибки не могли не перерасти в ошибки политические, сводящиеся в основном

⁹³ Постановление опубликовано в «Литературной газете» 27 января (№ 4. С. 3) под заголовком «ВССП о работе Ленинградского отделения».

⁹⁴ Красная газета. Веч. вып. 1930. 25 янв., № 21. С. 4.

⁹⁵ Замятин Е. Сочинения = Werke: В 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4 / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова, при участии А. Тюрина; Вступ. ст. Б. Филиппова. С. 421.

к недооценке классовой борьбы в литературе <...> Я знаю также, что все эти отдельные ошибки являются следствием пороков моего общего мировоззрения и обусловленной им методологии (эклектизм). Со всем этим „наследием родовым“ я борюсь и буду бороться всеми силами», — писал он в заявлении в Правление Союза.⁹⁶

Осенью 1929 г. в ЛО Всероссийского союза советских писателей в полном составе вошло ЛО Всероссийского союза поэтов, ставшее секцией поэтов (постановление общего собрания Союза поэтов от 18 октября 1929 г.). Делопроизводство Союза поэтов было завершено, по решению ревизионной комиссии от 20 ноября 1929 г. все дела переданы Союзу писателей и хранятся ныне в фонде Всероссийского союза писателей. В следующем номере «Ежегодника» предполагается обзор материалов Союза поэтов (опись № 2 фонда № 291).

Дальнейшая деятельность ЛО Союза проходила под знаком активного перевоспитания писателей-попутчиков, их привлечения к делу культурной революции, проводимой коммунистической партией и ее боевым отрядом — РАПП. В принятой в конце декабря 1929 г. декларации констатировалось, что «историческая роль старого Союза писателей, объединявшего своих членов главным образом на почве материально-профессиональных интересов, изжита», задача нового Союза, отряда «революционной интеллигенции, связавшей свои цели и задачи с целями и задачами пролетариата в едином плане борьбы за социализм» — «содействие претворению писательского мироощущения в твердое социалистическое мировоззрение».⁹⁷ Десятилетняя история писательского братства была завершена. «Нет больше Всероссийского союза писателей. Существует, развивается и укрепляет свою деятельность Всероссийский союз советских писателей; он должен стать одним из сильнейших отрядов культурной революции», — утверждалось в декларации.⁹⁸ В начале 1930 г. был разработан новый устав Союза, зафиксировавший иные задачи, в частности — «планомерное и организованное включение объединяемых Союзом писательских сил в общую работу по строительству социалистического общества и созданию новой социалистической культуры». От вступающего в Союз требовалось активное участие «в социалистическом строительстве своею литературною и общественно-политическою деятельностью». Благородная задача защиты членов Союза, провозглашенная двумя первыми уставами (1920 и 1923 гг.), отошла на последний план и была записана лишь в конце раздела «Права Союза». Уже в январе 1930 г. Объединенный Президиум обоих отделений одобрил работу ЛО Правления по реорганизации Ленинградского отделения Союза.⁹⁹ Это был уже другой Союз писателей. Изменился и его адрес. В 1930 г. комиссия по выселению и уплотнению учреждений Смольнинского рай-

⁹⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 322, л. 1. Заявление предназначалось для опубликования и в «Литературной газете», и в журнале «На посту».

⁹⁷ Основы декларации Всероссийского союза советских писателей // Литературная газета. 1929. 23 дек., № 36. С. 1.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См. прим. 93.

она потребовала освобождения занимаемой Союзом квартиры. После осмотра многих предлагаемых площадей, оказавшихся непригодными, было выбрано помещение на проспекте Володарского (д. 40, кв. 7), куда и переехал Союз в начале сентября 1931 г.

Для выработки у писателей-попутчиков «твердого социалистического мировоззрения» в 1930—1931 гг. организовывались многочисленные кампании: по отображению в литературе героев пятилетки,¹⁰⁰ привлечению в литературу рабочих-ударников, созданию литературных ударных бригад, работавших на заводах и фабриках в разных уголках страны и на долгое время отрывавших писателя от творческой работы. Обилие общественных поручений, подменяющих профессиональный труд, стало характерной приметой времени. Лишь изредка «перегруженный» писатель решался на слабый протест. Весной 1932 г. с подобным заявлением в Правление обратился Н. Вагнер:

«...в настоящее время я несу следующие нагрузки по общественной линии: 1. член штаба ударных писательских бригад и представитель от ВССП; 2. член бюро секции писателей-краеведов; 3. член комиссии по шефству Горкома над обслуживающим штатом столовой; 4. участник планово-производственного сектора Горкома; 5. то же по культсектору Горкома; 6. член бригады от ФОСПа по написанию истории Октябрьской железной дороги. Последняя нагрузка является самой большой, требующей уделения большого количества времени для выполнения данной работы. Она одна могла бы быть достаточной для разгрузки меня от других общественных работ. Тем не менее, Союз предлагает мне взять еще нагрузку по проведению Первомайских празднеств в Смольнинском районе. <...> Кроме перечисленных работ я принимаю и буду принимать по мере возможности участие в деле содействия надстройке Дома писателей, а также считаю нужным упомянуть о том, что мною только в феврале закончены писательские поездки в бригадах по торфяной и бумажной промышленности, отнявшие у меня время около 5 месяцев (о каковых и прилагаю отчеты). Также я принимал участие в бригаде ФОСП по проведению Октябрьских празднеств в клубе „Василеостровский Металлист“: написан 41 лозунг по заданиям клуба и завода, с каковыми лозунгами участвовала колонна в октябрьских празднествах.

Кроме того, я загружен в настоящее время творческой работой для ГИХЛа».¹⁰¹

Довольно быстро сложился новый тип писателя-общественника с заданной властью моделью поведения. Реорганизованный Союз принимал активное участие во всех официальных кампаниях, демонстрируя свою поддержку политики партии. В конце 1930 г. по предложению П. Н. Медведева Правление выступило с протестом против «дей-

¹⁰⁰ Для этой работы в ЛО Союза выделена большая группа писателей, в том числе М. М. Зошенко, М. Э. Козаков, М. Л. Слонимский, Е. М. Тагер, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, Ю. Н. Тынянов, О. Д. Форш, С. А. Колбасьев, Вс. А. Рождественский, В. И. Эрлих, Е. Л. Шварц, Б. П. Корнилов, М. М. Шкапская.

¹⁰¹ Заявление от 12 апреля 1932 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 180, л. 1—1 об.).

ствий раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной „промпартии“». Терминология резолюции-протеста вполне соответствовала духу времени (Приложение 8).

Судя по сохранившимся в архиве материалам, в 1930—1932 гг. был устроен лишь один литературный вечер, посвященный десятилетнему юбилею Союза, закрытые же литературные собрания приобрели характер идеологических «чисток». В начале 1931 г. была предпринята единственная попытка создать собственный печатный орган. Для этой цели Правление просило ЛО ФОСП предоставить Союзу один из издающихся в Ленинграде журналов. Секретариат ЛО ФОСП принял решение о передаче Союзу писателей литературно-художественного журнала «Стройка», выпускаемого Ленинградским областным издательством. В редакторской работе журнала с 1930 г. принимали участие и представители ЛО Союза. Это решение не было поддержано в Москве, и во второй половине 1931 г. журнал стал органом ЛО ФОСП.¹⁰²

В январе 1931 г., к десятилетию существования Союза, была устроена вторая большая выставка (первая — в 1927 г.), имевшая уже иную тональность, обусловленную временем. Наряду с творческой деятельностью писатели должны были показать свою общественную позицию, участие в строительстве социалистического общества. В архиве Союза сохранились написанные для выставки индивидуальные отчеты о литературно-общественной деятельности с указанием населенных пунктов, предприятий, колхозов, где побывали писатели для собирания материала и отражения в литературе производственных процессов. «Был вместе с бригадой в Карелии и на Кольском полуострове. Посетил Мурманск, остров Кильдин, разработки апатитов в Хибинских горах, ст<анцию> Медвежья гора на Онежском озере и Петрозаводск. В результате написал ряд очерков о поездке, которые целиком вошли в книгу Северной бригады „Сквозь ветер“», — сообщал Н. К. Чуковский.¹⁰³ География поездок с ударными бригадами охватывала всю страну. «В 1930 г. совершил <...> поездку по Тобольскому Северу с целью обследования мест заготовок пушнины и ознакомления с Северно-Уральским Гос<ударственным> охотничьим заповедником, — отчитывался В. В. Бианки. — Маршрут: Ленинград, Тюмень, Тобольск, Березов, Обдорск, полуостров Ямал, самоедское стойбище Хэ на правом берегу Обской губы, юрты Шухтунгуртские (база Госзаповедника), Березов, Тобольск, Тара, Омск, Свердловск, Ленинград».¹⁰⁴ Уже в январе 1931 г. заместитель председателя Правления М. Э. Козаков докладывал общему собранию, что вся работа членов Союза свидетельствует «о готовящемся переходе значительной части попутчиков к овладению не только современными темами и ма-

¹⁰² Ответственным редактором журнала назначен Ю. Либединский, заместителем — Н. Лесючевский. В редколлегию вошли М. Козаков, Н. Никитин, Н. Свириин, М. Слонимский, И. Смирнов.

¹⁰³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 155, л. 62.

¹⁰⁴ Там же, л. 5.

териалом, но и к овладению методами письма, доступными массовому читателю».¹⁰⁵

Осенью 1931 г. Союз писателей пополнился качественно новыми для него сочленами. По постановлению IV-го Пленума Правления РАПП, рапповцы привлекались к работе в Союзе писателей для усиления в нем идейно-руководящей роли РАПП.¹⁰⁶ Ленинградская ассоциация пролетарских писателей выделила для этой цели тридцать человек, ставших членами ЛО ВССП (Ю. Н. Либединский, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов, Н. В. Слепнев, М. Ф. Чумандрин). Увеличилась и коммунистическая фракция Союза: 12 коммунистов из общего числа членов — 301. На 1 января 1925 г. в Союзе было всего два члена ВКП(б).

В 1931 г. появился еще один, достаточно мощный рычаг управления всеми литературными организациями — экономический. Речь идет о Горкоме писателей. Напомним, что в 1926 г. по инициативе Союза писателей в профессиональном Союзе работников просвещения был создан Местком писателей. В январе 1929 г. ВЦСПС принял решение об «оставлении писателей в Союзе работников полиграфической промышленности (по секции работников печати)».¹⁰⁷ По-видимому, тогда же возник и Местком писателей Союза работников полиграфической промышленности, преобразованный в сентябре 1931 г. в Горродской комитет (Горком писателей). Горком состоял из секторов: финансового, организационного, кадрового, информационного, санаторно-курортного, культурно-массового, плано-производственного, авторско-правового и гонорарного, социально-бытового. Последний вместе с лавочной и столовой комиссиями ведал снабжением бытовыми благами (пайки, столовые талоны, мануфактура и т.п.) лиц, причисленных к первой категории и активу входящих в Горком организаций. Профсоюзный комитет Всероссийского союза советских писателей как низовая профячейка Горкома писателей появился в начале 1932 г., незадолго до фактической ликвидации Союза. В июле 1931 г. государство выделило квалифицированным писателям и так называемые совнаркомовские пайки.

Последние три года существования (1930—1932) Союз готовился к первой Всероссийской конференции советских писателей, своеобразному смотру и отчету, призванному продемонстрировать единство советских писателей и переход от «попутничества» к активному строительству социалистического общества. В 1931 г. в качестве подготовки к конференции в обоих отделениях состоялись дискуссии с обсуждением задач, стоящих перед ВССП в реконструктивный период и актуаль-

¹⁰⁵ Из доклада общему собранию 2 января 1931 г. (Там же, № 15, л. 10).

¹⁰⁶ IV Пленум Правления РАПП состоялся в первых числах сентября 1931 г. По докладу А. Селивановского «О попутничестве и союзничестве» принято решение «считать работу членов РАПП в ВССП на основе линии РАПП, подтверждаемой и развиваемой настоящим постановлением, первоочередной и важнейшей работой» (Литературная газета. 1931. 15 сент., № 50. С. 1).

¹⁰⁷ Постановление ВЦСПС «О членстве писателей» от 18 января 1929 г. («Счастье литературы». Государство и писатели. С. 63—64).

ных тем: «Писатели и социалистическое строительство», «О творческом методе», «Пролетарская литература и попутчики», «О творчестве отдельных писателей». Извещение о конференции, иногда называемой в архивных документах съездом, появилось в «Литературной газете» 20 ноября 1930 г. Открытие планировалось на январь 1931 г., затем перенесено на май. По инициативе ЛО Союза, заявившего о своей неготовности, конференция перенесена на осень 1931 г. Судя по переписке московского и ленинградского Правлений об изменении срока конференции, подготовка ее проходила под контролем партийных органов. В апреле 1931 г. ЛО Правления получило несколько срочных телеграмм из Москвы: «Настаиваем на созыве конференции мае. Переносить на осень крайне неудобно политически. Телеграфируйте согласие»; «Поскольку вопрос был согласован с директивными органами, откладывать конференцию все-таки нельзя. Руководство Союза будет скомпрометировано»; «Глазах партии можно сократить количество докладов. Осенью конференцию созвать не удастся. Фракция придерживается такого же мнения».¹⁰⁸ В середине мая для подготовки к конференции был созван Пленум Правлений Московского, Ленинградского и Сибирского отделений Союза, обсуждавший, в частности, и вопрос об утверждении устава Союза в новой редакции. Был обсужден лишь проект устава, утверждение отложено до осенней конференции. Новый устав предусматривал создание единого Центрального Правления, избираемого высшим органом Союза — съездом. Дополнительно к задачам Союза, записанным в уставе 1929 г., писателям предписывалось «содействие своим творчеством укреплению обороны страны». Созыв конференции осенью 1931 г. был уже не актуален. Партия готовила новую реформу литературы. 17 марта 1932 г. МО Правления сообщало ленинградским коллегам о задержке утверждения устава «в связи с новым проектом реорганизации Союза и отсрочкой созыва общего собрания в Москве». Вскоре появилось известное постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидировавшее Ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) и провозгласившее необходимость создания единого «Союза советских писателей с коммунистической фракцией в нем». 30 апреля постановление обсуждалось на внеочередном собрании членов ЛО Союза.¹⁰⁹ По-видимому, тогда же принято приветствие ЛО Правления и актива Союза постановлению ЦК партии, заканчивающееся гимном партии и вождю: «Да здравствует ударная бригада мировой социалистической стройки — Коммунистическая партия! Да здравствует ЦК ВКП(б)! Да здравствует вождь партии т. Сталин!».¹¹⁰

По постановлению Оргбюро ЦК ВКП (б) от 7 мая 1932 г. был утвержден Оргкомитет всего Союза во главе с Горьким (почетный

¹⁰⁸ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 205, л. 20—22.

¹⁰⁹ В архиве Союза сведений об этом собрании нет. Информация о нем приводится в «Письме в редакцию» М. Ф. Чумандрина, опубликованном в «Литературной газете» (1932. 17 мая, № 22. С. 1).

¹¹⁰ Приветствие опубл.: Литературная газета. 1932. 5 мая, № 20. С. 1.

председатель), реальным же председателем Комитета стал редактор «Известий» И. М. Гронский, затем — партийный функционер, директор Института красной профессуры П. Ф. Юдин.¹¹¹ Оргкомитет составил из бывших рапповцев (В. Киришон, Ф. Панферов, В. Ставский, А. Фадеев, М. Чумандрин) и писателей-попутчиков (Вс. Иванов, Л. Леонов, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин). Партийное постановление, оформленное как постановление литературных организаций РСФСР, появилось в «Литературной газете» 17 мая. 29 мая «Литературная газета» опубликовала и постановление ленинградских писательских организаций «О перестройке ленинградских литературно-художественных организаций», зафиксировавшее необходимость создания Оргкомитета писателей «для руководства существующими в Ленинграде и Ленинградской области литературными организациями и проведения подготовительной работы к съезду» (Приложение 9). В Оргкомитет вошли представители всех литературных организаций города.

Деятельность Всероссийского союза советских писателей фактически была прекращена. Последнее очередное собрание ленинградских писателей, избравшее новое Правление под председательством М. Э. Козакова, состоялось 24 февраля 1932 г. Протоколы заседаний Правления в новом составе не сохранились. Составить представление о характере обсуждавшихся вопросов можно лишь по информации в периодической печати. Так, на одном из последних заседаний Правления, состоявшемся в самом начале мая 1932 г., обсуждалось участие писателей своим творческим трудом в практике социалистического строительства.¹¹² В последнем списке членов ЛО Союза на 1 мая 1932 г. числилось 245 человек; последняя запись в книге исходящих документов сделана 3 ноября 1932 г. Всероссийский союз советских писателей стоял на пороге создания единого Союза советских писателей.

2

Архив Союза писателей поступил в Пушкинский Дом в начале 1930-х гг. 3 апреля 1930 г. Правление Союза писателей передало сюда материалы Музея Союза, делопроизводственные документы 1920—1925 гг., дела Вольной философской ассоциации (Вольфила), переписку писательницы А. А. Виницкой, обнаруженную в Доме писателей на Карповке. 27—28 апреля 1930 г. материалы занесены в Книгу поступлений № 2 под № 1267 (с. 49—53). Переписка Виницкой зафиксирована в той же Книге 25 июня 1930 г. под № 1309 и передана в ее личный фонд № 51. Музейная коллекция Союза писателей, поступившая в Пушкинский Дом, состояла из архива К. М. Фофанова; материалов

¹¹¹ О деятельности Оргкомитета, подготовке первого съезда писателей и создании Союза советских писателей см.: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // *Вопросы литературы.* 2003. № 4. С. 212—258; № 5. С. 241—297; *Баранов В.* «Надо прекословить!» М. Горький и создание Союза писателей // Там же. № 5. С. 34—56.

¹¹² *Литературная газета.* 1932. 5 мая, № 20. С. 1.

Е. В. Аничкова, привезенных из Жданей, за исключением писем В. Я. Брюсова Аничкову, переданных Правлением Союза во временное пользование литературоведу П. Н. Медведеву; разрозненного архива Литературного фонда; рукописей, писем, книг с автографами, портретов; альбома художника И. К. Пархоменко с автографами писателей и поэтов. Архив Фофанова впоследствии был передан в его личный фонд № 282. Книги и иконография хранятся в Библиотеке и Музее Пушкинского Дома. Среди поступивших документов — протоколы заседаний Вольфила, хранившиеся в канцелярии Союза писателей. Недописанные фразы и слова, сокращения, записи карандашом позволяют говорить о черновом характере протоколов.

Второе поступление, уже от Оргкомитета Союза писателей, относится к 9 июня 1933 г. и записано в Книге поступлений № 2 под № 274 (с. 209—211). Вместе с делопроизводственными документами Союза писателей поступил и значительный комплекс материалов Ф. Сологуба (пьеса «Ванька ключник» с его правкой, «Книга разлук» с правкой автора, корректура сборника неизданных стихотворений «Нити дней», правленная им, фотографии и др.), альбом кружка «Вечера Случевского», письма В. Я. Брюсова Е. В. Аничкову, возвращенные П. Н. Медведевым. Фотографии Сологуба переданы в Музей ИРЛИ, пьеса — в его личный фонд № 289. Местонахождение остальных творческих материалов Сологуба неизвестно. Альбом «Вечера Случевского» хранится в отдельной коллекции альбомов с автографами (Р. I, оп. 42, № 94). Тогда же вместе с материалами Союза писателей поступили материалы ФОСП, составившие один фонд под № 291.

Среди материалов ФОСП, хранящихся в составе фонда Союза писателей, есть не только циркулярные документы, рассылаемые ФОСП всем литературным организациям, документы, присланные в Союз для сведения, переписка с ВССП, но и делопроизводственные документы ФОСП (протоколы, планы, резолюции), материалы других организаций, входивших в ФОСП, и переписка с ними (ЛАПП, ЛОКАФ и др.). В начале мая 1933 г. Оргкомитет Союза писателей передал в Пушкинский Дом архив ФОСП (см. запись № 284 в Книге поступлений № 2, с. 219). По-видимому, это поступление и составило самостоятельный фонд ФОСП под № 492, состоящий из 9 ед. хр. Таким образом, материалы ФОСП хранились в двух фондах: ф. 291, ф. 492. В фондовой карточке архива Союза писателей от 19 марта 1939 г., хранящейся в формуляре фонда (ф. 291), материалы ФОСП указаны как составная часть фонда Союза писателей.

На необходимость перевода материалов ФОСП из фонда Союза писателей в фонд ФОСП (№ 492) указывалось еще в 1930-е гг., о чем свидетельствует запись на фондовой карточке от 14 января 1939 г. К этому же выводу сотрудники РО пришли и после проведения в 1981 и 1993 гг. двух проверок наличия документов. Решением экспертной комиссии РО ИРЛИ от 24 сентября 2001 г. (протокол № 4) делопроизводственные материалы ФОСП и материалы литературных организаций, входивших в ФОСП, отложившиеся в фонде № 291, выделены в существующий самостоятельный фонд ФОСП № 492. В фонде Союза

писателей остались некоторые циркулярные документы ФОСП и переписка ФОСП с Союзом писателей и Союзом поэтов.

Материалы фонда Союза писателей (ф. 291) числились по двум рукописным описям, составленным, очевидно, в 1930-е гг. по заголовкам на папках. Почти все папки помимо документов, указанных в заголовке, включали множество других в россыпи, иногда содержимое папок не соответствовало заголовку на них. Значительная часть документов не была атрибутирована. В делопроизводственной описи № 1 числилась 131 ед. хр., в описи № 2 (собрание произведений и писем) — 53 ед. хр. Современная обработка фонда, завершенная в 2004 г., состояла из атрибуции значительного комплекса документов, составления новых заголовков, реформирования и пересистематизации единиц хранения. В результате сформировано 907 единиц хранения, сгруппированных в двух описях. Опись № 1 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Всероссийского профессионального союза писателей в Петрограде (1920—1921); Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (1921—1929); Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей (1929—1932)». Опись № 2 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (1923—1929); секции поэтов Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей (1929—1932)».

Значительное количество единиц хранения (где это возможно) сформировано по тематическому принципу («Материалы по устройству выставки <...> и переписка <...> по этому же вопросу»). Все нюансы расположения материала исследователь найдет в предисловии к описи фонда. Здесь же мы ограничимся перечнем и краткой характеристикой материалов.

Документы, представленные в описи № 1, сгруппированы в тринадцати разделах. В первый раздел «Материалы и переписка по организации Всероссийского профессионального союза писателей в Петрограде и его реорганизации во Всероссийский союз советских писателей» помещены: устав в редакции разных лет, удостоверение о регистрации отделения, постановление литературных организаций Ленинграда о своей перестройке и переписка по этому же вопросу.

Следующий раздел — «Материалы и переписка <...> по основной деятельности» — самый большой в описи. Здесь размещены протоколы общих собраний, Правления, Президиума, Исполбюро, Пленума Правления, постановления и резолюции Правления, планы, материалы отчетного характера, представленные в Губисполком, различные заявления в Правление, справки, удостоверения, договоры, акты и т. п. Единицы хранения с протоколами общих собраний имеют приложения, состоящие из отчетов Правления, секретаря и казначея Правления, хозяйственной и ревизионной комиссии, отчетов секций, списков вновь избранных членов Союза и др. Единицы хранения с отчетами Губисполкому включают исторически сложившиеся комплексы документов: отчеты, анкеты и анкетные списки членов Правления, сведения о литературных вечерах, финансовые документы, иногда — про-

токолы заседаний Правления и др. В этом же разделе есть несколько тематических групп: «Материалы и переписка <...> о материально-правовом положении писателей»; «Материалы и переписка <...> по издательской деятельности Союза»; «Материалы и переписка <...> о смерти, захоронении и охране могил литераторов»; «Материалы и переписка <...> по организации и участию в выставках»; «Материалы и переписка <...> по опротестованию публикаций, дискредитирующих деятельность ПО / ЛО Союза и членов ЛО Союза»; «Материалы и переписка <...> по организации и деятельности литературных ударных бригад»; «Материалы и переписка <...> по организации творческих дискуссий, подготовке к конференции и первому съезду писателей»; «Материалы и переписка <...> по финансовой деятельности»; «Материалы и переписка <...> об аренде и содержании помещений Союза, содержании имущества и служащих Союза». В этом же разделе помещен и большой комплекс переписки по основной деятельности.

Материалы третьего, четвертого, пятого и шестого разделов иллюстрируют деятельность комиссий Правления: литературной (вечеровой), конфликтной, хозяйственной и ревизионной. В пятом разделе размещены протоколы, отчеты, доклады, акты хозяйственной комиссии и выделены тематические группы: «Материалы и переписка <...> по содержанию Дома писателей на Карповке», «Материалы и переписка <...> по устройству дома отдыха писателей в имении Е. В. Аничкова Ждани».

В седьмом разделе («Материалы и переписка <...> по личному составу Союза») помещены заявления о вступлении, выходе и восстановлении в Союзе, анкеты, списки членов Союза, членские билеты, заявления и удостоверения личного характера (о командировках, отпуске, зарплате, жилье, учебе). Анкеты, в зависимости от времени заполнения, содержат разные анкетные вопросы, имеют многочисленные пометы членов Правления. Для сохранения полноты сведений о ежегодном составе Союза, работе Правления и характеристики времени заявления о вступлении со сведениями анкетного характера и анкеты сгруппированы в единицы хранения по хронологии, внутри единиц хранения — по алфавиту. Одна единица хранения («Анкеты переводчиков, собранные для перерегистрации») содержит анкеты 1925—1929 гг. Очевидно, специальный отбор анкет переводчиков был связан с особенно жесткой «чисткой» членов секции и их предстоящим переводом в секцию ФОСП. Для удобства использования на эти единицы хранения и на все другие, включающие анкеты, составлены внутренние описи. Иногда в течение одного года анкеты заполнялись несколько раз для разных целей, имеют разные анкетные вопросы (1926 и 1931 гг.) и помещены, соответственно, в разные единицы хранения. Остальные материалы по личному составу объединены в две тематические группы: «Материалы и переписка <...> о перерегистрации членов Союза», «Материалы и переписка <...> о персональных пенсиях членов Союза». В первой представлены протоколы комиссии по перерегистрации, списки членов Союза, проходивших перерегистрацию, заявления, справки и отзывы о работе, ходатайства. Во второй — заяв-

ления, автобиографии, справки, отзывы о литературной деятельности, характеристики, ходатайства, переписка, в том числе — о назначении пенсий А. А. Ахматовой, Л. Д. Блок, Р. В. Иванову-Разумнику и Н. А. Клюеву.

Документы восьмого раздела отражают деятельность Правления по профессионализации Союза и объединены в двух тематических группах: «Материалы и переписка Правления Союза писателей и Всероссийского профессионального союза работников просвещения» и «Материалы и переписка Правления Союза писателей и Всероссийского профессионального союза работников полиграфического производства (Горком писателей)». Обе включают заявления, справки, ходатайства и переписку Правления Союза о вступлении членов Союза писателей в профсоюзы этих организаций и материалы, присланные Союзу писателей для сведения. В конце раздела помещены четыре единицы, относящиеся к работе профкома самого Союза (в том числе — протоколы заседаний профкома).

В начале девятого раздела — «Материалы и переписка секций ЛО Союза» — помещены документы, относящиеся к деятельности всех секций (протоколы, положение о секциях и др.), остальные сгруппированы по секциям Союза: прозаиков и поэтов, переводчиков, критиков и историков литературы, детской художественной литературы, поэтов (1925—1929), библиографов, беллетристов. Материалы секции поэтов после октября 1929 г. (бывший Всероссийский союз поэтов) расположены во второй описи.

В одиннадцатом разделе — «Материалы Литературного музея» — представлены протоколы, отчеты, списки экспонатов, материалы передачи музея Пушкинскому Дому. Остальные документы объединены в тематические группы, отражающие состав музейной коллекции: «Произведения, автобиографии и письма разных лиц»; «Архив Е. В. Аничкова, хранившийся в его имении Ждани»; «Переписка Литературного фонда». Во вторую тематическую группу включены разрозненные материалы Аничкова и значительное количество писем к нему. В третью — разрозненные письма в Литфонд и письма казначею Литфонда С. Е. Савичу, в основном касающиеся выдачи денежных пособий и ссуд. Некоторые материалы по основной деятельности Союза и других организаций, переданные Правлением Союза в Музей и числящиеся по музейной описи, помещены в соответствующие тематические группы второго раздела с документами по основной деятельности: «Материалы К. К. Фофанова-Олимпова, представленные на выставку „Работа ленинградских писателей за 1917—1927 гг.“»; доклад В. В. Вересаева «О художественном оформлении нового быта», текст его заключительного слова на литературном диспуте, афиша диспута; афиша вечера «Памяти А. А. Блока», организованного Вольфилой.

В двенадцатом разделе собраны протоколы Московского отделения Правления Союза (копии) и отдельные документы, присланные для сведения и координации деятельности.

В последнем, тринадцатом разделе, представлены материалы и письма разных организаций, отложившиеся в делопроизводстве Союза.

Материалы Союза писателей также хранятся и в фонде № 172 (№ 1950, 1951) в составе архива Кабинета современной литературы Государственного института истории искусств (ГИИИ). Они поступили в Пушкинский Дом в 1936 г. вместе с архивом Кабинета.

* * *

В публикуемых ниже документах орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Инструкция Петроградского отдела Всер<оссийского> проф<ессионального> союза пис<ателей> ко 2-му § Устава

1. Членом Всер<оссийского> проф<ессионального> союза писателей может быть признан всякий, у кого имеются литературные по форме и значению труды, как в области художественного творчества в широком смысле слова, так и в разных областях знания или философского и публицистического мышления. К этой категории относятся, следовательно, и люди науки, поскольку произведения их, с одной стороны, содействуют обогащению литературы идеями и образами, а с другой стороны, вносят в нее образцы особо точного языка и выразительно строгого стиля. Наоборот, люди величайшего значения в науке, не обладающие даром облекать свои мысли и знания в прозрачные и всем доступные формы, как и узкие специалисты, не могут быть отнесены к этой категории.

2. Все эти критерии требуют, однако, еще дополнения: люди, входящие в Союз, должны заниматься упомянутыми разновидностями литературного труда как своим профессиональным делом.

3. В качестве лиц, профессионально служащих литературе, в Союз должны быть включены и переводчики с новых и древних языков, а также работники периодической печати, которая связывает литературу с жизнью, обогащая ее материалами эмпирической современности, и в то же время содействует распространению литературных ценностей в народных массах. К этой категории не относятся, однако, переводчики и деятели повседневной прессы, для которых этот вид труда является случайным средством существования и которые в своей работе не обнаруживают определенных литературных способностей.¹¹³

¹¹³ Публикуется по машинописи (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 1, л. 5; утверждена 17 августа 1920 г.).

Изменение § 4-го Устава

Правления Московского и Петроградского отделов Всероссийского профессионального союза писателей избирают для руководства делами всего Союза Центральное Правление (Президиум) из восьми лиц в качестве исполнительного органа: председателя, 2 товарищей председателя в лице председателя Московского Правления и председателя Петроградского Правления, двух секретарей — одного московского, другого петроградского, двух членов Президиума — одного от Москвы, другого от Петрограда, и казначея. Председатель Президиума Всероссийского профессионального союза писателей избирается Центральным Правлением. Президиум собирается по мере накопления дел, а также и по требованию Московского или Петроградского отделов Всероссийского профессионального союза писателей.¹¹⁴

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В Совнарком

2 августа 1920 г.

Организовавшийся в Петрограде Отдел Всероссийского профессионального союза писателей, поставивший себе целью улучшение быта профессиональных работников литературы, обращается в Совнарком с ходатайством о скорейшем оказании писателям продовольственной поддержки в виде постоянно выдаваемых пайков в размере существующего ныне ученого пайка.

Прошлую зиму петроградские литераторы провели в бытовых условиях, почти парализовавших возможность работы. Смертность среди литераторов, как неоднократно указывалось высшим властям представителями литературных организаций, достигла небывалого процента. Пагубная для государства убыль литературных сил увеличивается еще и тем, что тяжелые условия жизни вынуждали и вынуждают деятелей литературы покидать свою профессию, в которой они могли бы наиболее полезным для страны образом развернуть свои силы и дарования. Писатели поневоле уходят в несвойственную им работу, совершенно отрывающую их от круга культурных и профессиональных их задач.

Столь же опасная убыль ученых сил была своевременно остановлена предоставлением ученых пайков Комиссии по улучшению быта ученых. Мы уверены, что Правительство поспешит предоставить и проживающим в Петрограде писателям в лице Петроградского отдела Всероссийского профессионального союза писателей 700 пайков, причем распределение этих пайков берет на себя Правление означенного

¹¹⁴ Публикуется по машинописи (Там же, л. 8; утверждено 4 сентября 1920 г.).

Союза в следующем составе: А. Л. Волынский, Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, Макс<им> Горький, Люб<овь> Я. Гуревич, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов и К. И. Чуковский.¹¹⁵

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Докладная записка

Ибранное в августе с<его> г<ода> Правление Петербургского отдела Всероссийского союза писателей, всесторонне обсудив вопросы, связанные с нынешним состоянием русской литературы и с общественно-бытовыми условиями жизни писателей, считает необходимым высказать нижеследующее:

Неоднократные категорические заявления авторитетных представителей Советского строя, обещавших от имени Правительства всемерную и действенную поддержку всем без изъятия формам культурного творчества, подают надежду, что писателям в конце концов удастся найти совместно с властью тот общий язык, которого не было до сих пор и нужда в котором одинаково настоятельна для обеих сторон.

Прекращение гражданской войны и единодушное желание всех общественных групп перейти к созидательному труду открывают перед русской литературой наших дней новые возможности и намечают для нее новые задачи. Но использование первых и разрешение вторых встречают на своем пути многочисленные препятствия, которые в значительной доле своей представляют собою случайно возникшее бесцельное зло, стремиться к уничтожению которого есть обязанность каждого культурного человека.

Отрицательные явления, от которых страдает современная русская литература, легко объединить в краткую формулу: это есть юридическая и экономическая необеспеченность.

Литература не обеспечена юридически, ибо писатель, как таковой, не имеет тех прав, которыми пользуются представители всех других общепользных профессий. Вместе с тем занятие литературой не создает для писателя даже того минимума жизненных благ, без которого невозможно самое существование.

Ненормальности, связанные с указанными обстоятельствами, сравнительно легко могут быть устранены, для чего надлежит принять следующие меры:

Особым декретом высшего законодательного органа надлежит уравнивать литературу с остальными профессиями, а именно:

а) Всероссийский профессиональный союз писателей должен пользоваться всеми правами и преимуществами других профсоюзов, причем, однако, должны быть приняты во внимание специфические особенности литературной работы.

¹¹⁵ Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 118, л. 3—3 об.).

б) Занятие литературой должно избавлять писателя от необходимости посвящать себя другим несвойственным ему формам труда, как то: службе, чтению лекций, школьному преподаванию и т.<ак> д<алее>.

в) Правление Профсоюза писателей должно иметь право входить с ходатайством перед Всероглаштабом или другим компетентным учреждением о принятии на учет того или иного писателя, состоявшего уже в рядах Красной Армии или подлежащего призыву и успевшему уже заявить себя своими литературными трудами.

г) Правлению Союза должна быть предоставлена возможность снабжать своих членов на льготных условиях письменными принадлежностями, а также, по мере возможности, иными предметами первой необходимости.

д) Занятие литературой, даже независимо от количественной продуктивности в данное время, должно давать писателю право на продовольственный паек по аналогии с ученым пайком.

Таковы первоначальные простейшие меры, которые могут быть приняты и должны быть приняты для поддержания русской литературы в настоящую трудную эпоху. Но Правление считает своим непрелымным долгом прибавить, что сами по себе эти меры все же являются полиативом. Писатель не может творить только для своего письменного стола. Для здорового развития литературы необходима независимая печать, каковой в настоящее время не существует. Шаги, которые можно было бы сделать в названном направлении, надлежит обсудить детально. Правление указывает здесь только первый из них: Всероссийскому союзу писателей должно быть предоставлено формальное право и фактическая возможность учредить свое собственное издательство и выпускать в свет собственный периодический орган под своею ответственностью.

Правление хорошо знает, что и в настоящее время писатели, хотя и мало занимаются литературным трудом, но все же как-то существуют. Как всегда жизнь вносит свои поправки в слишком суровые общие нормы. В порядке любезности, снисхождения, личной ловкости и расторопности, в виде пайков красноармейского, милиционного, морского, ученого, театрального, наконец, просто в виде милостыни и подачки, писатели получают свою порцию жизненных благ, благодаря чему большинство их еще не умерло от голода. Но они ничего не получают по праву, просто как писатели. И Правление Петербургского отдела считает своим долгом возвысить в данном случае свой голос и напомнить о правах литературы.

Можно быть какого угодно мнения о деятелях текущего литературного периода. Правление не хочет полемизировать здесь ни с какими мнениями и не намерено произносить никаких апологий. Но оно позволяет себе сказать, что литература не есть собрание книг, расставленных на библиотечных полках и написанных давно умершими авторами. Литература есть непрерывающаяся, живая традиция, которая слишком драгоценна, чтобы позволительно было не стремиться к ее поддержанию и охранению. Вместе с тем Правление, в полном сознании своей правоты, указывает на тот, не подлежащий сомнению и ос-

париванию исторический факт, что русская литература последнего столетия была и остается крупнейшим из общественных явлений. Сама Революция русская, торжествующая ныне по всему фронту, целиком вылилась из литературы и в значительной мере лишь осуществляет поставленные ею задания.

Конечно, и без легализации, и без пайков, русская литература не погибнет. Голодающая и загнанная в подполье, она все-таки будет жить. Но тогда одно обстоятельство станет ясным и несомненным для любого беспристрастного наблюдателя.

Все торжественные декларации о том, что культурное творчество встречается в России простор, небывалый и невиданный нигде в мире, суть — не более как обычные ораторские метафоры, к которым никто не обязан относиться вполне серьезно.

Правление Петербургского отдела хочет верить, что это не так и что настоящая записка послужит началом к созданию здоровой, нормальной обстановки для развития русской литературы.

Подписи: М. Горький, А. Л. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковыский и др¹¹⁶<угие>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

В ЦК партии Наркомфин

№ 205/206
30/X-25 г.

Двухсотлетие Академии наук и связанные с этим празднества подчеркнули отношение Правительства к деятелям просвещения. Целый ряд законодательных и в административном порядке проведенных мероприятий по улучшению быта ученых, облегчению для них налогового бремени, улучшению квартирных условий и созданию регулярной помощи со стороны государства давно уже обнаружили тенденцию Правительства хранить силу ученых и бережно к ним относиться.

Между тем, русские писатели — творцы и проводники художественной литературы — которые в течение двух столетий приобрели высокое мировое значение, до сих пор находятся в чрезвычайно тяжелых условиях, нуждаясь в несравненно большей части во внимании Го-

¹¹⁶ Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 17, л. 22—22 об.). В конце «Записки» перечислены имена подписавших, подписи отсутствуют. Утверждена Правлением 21 декабря 1920 г. Машинописная копия «Записки» сохранилась в архиве Дома литераторов (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 288). В конце рукой неустановленного лица приписано: «Подписи: М. Горький, А. Л. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковыский. Настоящую просьбу Правления Союза всемерно поддерживаем: Федор Сологуб, Н. Гумилев, Ек. Леткова, А. Гофман, Дм. Крючков, И. Одоевцева, Б. Харитон, Вал. Чудовский, А. Е. Кауфман, Варвара Комарова (Влад. Каренин), М. Ватсон, Clemens, А. М. Редько, И. В. Вольфсон, И. А. Клейнман, К. Аркадакский».

сударства, чем представители русской науки. В то время как ученые, будучи в подавляющем большинстве своем связаны с учебными и учебными заведениями и советскими учреждениями, имеют гарантии, предоставленные Государством трудящимся, русские писатели, будучи предоставлены самим себе, с особенной силой чувствуют на себе формальную, внешне-официальную, чисто случайную, ничем внутренне не оправдываемую отрешенность от класса трудящихся и ничем реальным не вызванное причисление к категории лиц свободных профессий.

Органы фиска облагают литераторов как лиц свободной профессии. Эта точка зрения в корне неправильна. В то время как заработок лиц свободной профессии всецело остается в их распоряжении, труд писателя, литератора всецело претерпевает судьбу заработной платы рабочих и служащих. *Прибавочная ценность* заработка писателей идет в пользу издателя, оставляя писателю лишь известный минимум. Если оставить в стороне заработок нескольких отдельных писателей, за который не может нести ответственности вся писательская масса, надо признать этот минимум чрезвычайно низким, что с полной очевидностью явствует из анкетного материала Союза писателей.

Таким образом, экономически, строго говоря, писателей нельзя относить к категории лиц свободной профессии по основному, чрезвычайно существенному признаку: наличию прибавочной ценности, достигающейся предпринимателю. Плод деятельности писателя отдается предпринимателю (издателю), для которого является составной частью производства в ряду других составных частей: типографских расходов, бумаги и проч^{ее}. Если к этому прибавить, что писатели, так же, как и рабочие, связаны с *производством* (слабое развитие у нас издательского дела, специальные задания Государственного издательства, лишенного возможности в надлежащем количестве издавать художественную литературу, ничтожное число частных издательств, испытывающих, к тому же, крупные материальные затруднения и оплачивающих труд писателей в последнюю очередь) и книжным *рынком*, сплошь и рядом вызывающим безработицу и крупные перебои в работе, — аналогия между трудом писателя и трудом рабочего вырисовывается с особенной ясностью.

К этому надо прибавить специфические условия писательской работы, значительно ухудшающие положение писателей: необходимость длительного предварительного собирания материалов, изучения темы работы в библиотеках, черновых набросков, путешествий, связанных с работой и проч^{ее}. Все это вызывает большую трату сил и времени и, в большей своей части, является работой *безвозмездной*.

К этим положениям Союз писателей мог бы дать целый ряд иллюстраций из своей практики, ссылки на которые заняли бы очень много места. Чтобы не быть голословными, Союз писателей может указать, в виде примера, на беллетриста Федина. Он три года писал свой роман «Города и годы», за который, в конечном итоге, получил гонорар в 3000 рублей. Этот гонорар механически прошел через бухгалтерию Госиздата и в таком виде был представлен Финотделу. В результате

Фининспектор определил нормальный *полугодовой* доход Федина в 3000 рублей и соответственно определил его ставку подоходного налога. Между тем, элементарный, с точки зрения советской логики, подход к данному случаю определил бы доход Федина в 500 рублей за полугодие, и доход этот, естественно, вовсе не подлежал бы обложению, не говоря уже о том, что обложение Федина по высокой скале (так! — Т. К.), имевшее место, нарушает основной принцип, на котором построено взимание у нас подоходного налога.

Писательница Богданович в начале 1924 года перевела три книги, или — вернее — из ряда переводов, отнявших много времени, устроила в издательстве перевод трех книг. После этого она, быстро прожив полученное, несколько месяцев оставалась без работы и без денег. В это именно время Фининспектор, поступая формально правильно, исчислил доход Богданович в 1000 рублей и потребовал у нее соответственный налог.

Историк литературы Илья Груздев, пишущий книгу о Горьком, отправился в Нижний Новгород, в Казань и Тифлис произвести архивные изыскания, относящиеся к биографии Горького. На расходы по этой поездке он взял у издателя своей ненаписанной книги аванс. Издатель — по всем правилам — сообщил эту цифру в Финотдел. Фининспектор определил этот аванс на расходы как заработок Груздева и, соответственно, Груздева обложил.

Во всех этих случаях нет вины Финорганов. Они поступают по Инструкции. Все дело в общем принципе. Необходимо срочно пересмотреть вопрос об обложении писателей и широко поставить вопрос об авторитетном отнесении писателей к классу трудящихся со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении налоговом, квартирном, обеспечения врачебной помощью, возможностью лечиться в больницах и проч^{<ее>}, и проч^{<ее>}.

Союз писателей не просит никаких привилегий для писателей. Союз писателей добивается лишь того, чтобы в Советском Государстве, где трудящимся обеспечена широкая возможность спокойно работать, где труд особо охраняется и привлекает к себе бдительное внимание органов власти, русским писателям дана была возможность творчески работать и отдавать свои силы государственному строительству в твердой уверенности, что их труд встретит надлежащую оценку органов государственной власти, и что писатели займут, наконец, принадлежащее им по праву место среди трудящихся.

Председатель Правления
Член Президиума
Секретарь ¹¹⁷

¹¹⁷ Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 110, л. 122—123 об.). Подписи отсутствуют. Исходящий номер и дата написаны рукой неустановленного лица. Подчеркивания в документе выделены курсивом.

В Отдел печати Севзапбюро ЦК ВКП(б)

Докладная записка

13 октября 1926 г.
№ 1467

Как видно из прилагаемых при сем «Данных обследования правового и материального положения членов Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей», — положение это требует в настоящий момент усиленного внимания государства и руководящей партийной организации, заботящихся о процветании современной русской литературы.

Приветствуя внесенное в Президиум ВЦИКа законодательное предположение об уравнивании писателей в правах с рабочими и служащими, Ленинградский отдел Правления Всероссийского союза писателей считает необходимым скорейшее проведение в жизнь упомянутого закона, и вместе с тем намечает следующий ряд мероприятий, которые должны быть проведены в Ленинграде:

1. Необходимо в ближайшее же время создать Местком писателей и придать ему все права *профессиональной организации*;

2. Приступить к организации общего для всех писателей Литературного фонда, средства которого, — помимо сумм, предусмотренных Уставом Фонда, — должны быть дополнены процентными начислениями на суммы, уплачиваемые всеми издательствами в виде гонорара авторам — членам Фонда;

3. Издательства должны привлечь писателей к непосредственной работе в своем аппарате, что в значительной степени будет способствовать как улучшению самого издательского дела, так и материального положения ряда литературных работников, богатых опытом и знаниями;

4. Для материального укрепления Всероссийского союза писателей необходимо в ближайшее время разрешить последнему создание кооперативного книгоиздательства писателей, членами-пайщиками которого могут быть и члены других литературных организаций (ЛАПП, Союз поэтов, Союз крестьянских писателей и др.<угие>);

5. В целях действительного товарищеского объединения всех литературных организаций Советского Союза — необходимо приступить к созданию Федерации советских писателей, сохранив автономию для каждой федерирующей стороны.

Председатель Правления
Отв<етственный> секретарь¹¹⁸

¹¹⁸ Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, л. 133—133 об.). Подписи отсутствуют. На бланке ЛО Всероссийского союза писателей. Подчеркивания в документе выделены курсивом.

Основные положения платформы Всероссийского союза писателей

Вх<одящий> № 162а

3 июня 29 г.

Исп<олнено> № 131, 6 / VI—29

1. Наша эпоха является эпохой небывалых в истории человечества социальных сдвигов: это — эпоха империалистических войн, пролетарских социалистических революций и диктатуры пролетариата. Разложение и внутренний распад капитализма, достигшего наивысших ступеней своего развития с одной стороны; закладка основ будущего социалистического общества в стране победившего пролетариата, в Союзе Советов — с другой стороны. Пролетариат, завоевывая политическую власть, в то же время уничтожает политическую власть буржуазии. Но диктатура пролетариата, ставящего рабочий класс на положение господствующего класса в обществе, представляет собой переходное явление нашей эпохи. С уничтожением власти буржуазии и постепенным превращением последних представителей этого класса в трудящихся, уничтожается государство и вместе с тем деление общества на классы — совершается переход к внеклассовому коммунистическому обществу.

2. Литературное творчество, как и всякое другое художественное творчество, вдохновляется данной эпохой. В классовом обществе литература носит классовый характер, испытывает на себе влияние столкновений враждебных классовых сил (своей эпохи). Внеклассовой литературы в классовом обществе нет и быть не может. Равным образом художественные произведения предыдущих эпох различно воспринимаются и по-своему расцениваются каждой данной эпохой.

Наша эпоха — эпоха величайших социалистических сдвигов — кладет свой неизгладимый отпечаток на литературное творчество, на литературные течения, на отдельного писателя. Осмыслить нашу эпоху, проникнуться духом великой борьбы, пафосом великого строительства, уловить узловые вопросы современности — вот что является главной задачей литературы нашей эпохи. Как наша эпоха является переходной от капитализма к социализму, так и наша литература носит на себе печать переходного периода (что выражается, главным образом, в неустойчивости и неясности литературных форм и разнообразных перегруппировках литературных течений и т<ому> п<одобное>).

Наша литература prepares путь тому литературному расцвету, который наступит с окончательной победой социализма, когда трудящиеся массы внеклассового общества, освобожденные от материальных лишений и забот, разовьют с небывалой до сих пор энергией свои творческие силы.

3. Всероссийский союз писателей, объединяя выявленные писательские индивидуальности, ставит задачей организацию своих членов для революции, поощрение их творческой деятельности путем приобщения

ния к великим задачам эпохи и путем вовлечения писателя в круг интересов рабочего класса СССР, строящего социализм под руководством ВКП(б). Признавая наиболее здоровым началом в области литературной формы реализм, ВСП, однако, принимает в свою среду представителей всех литературных форм, исходя из того положения, что литература переходной эпохи не может уложиться в ту или иную господствующую литературную форму.

4. Социалистическое строительство в нашей стране ставит перед рабочим классом многообразные и трудные задачи. ВСП, всецело разделяя политику ВКП(б) в области художественной литературы, нашедшую свое выражение в резолюции 1925 года, и в полном единении со всей Федерацией советских писателей, приложит все усилия к тому, чтобы привлечь массы своих членов к разрешению задач культурной революции и социалистического строительства (индустриализации страны, коллективизации и т. д.). Элементом пассивным или враждебным к великой творческой работе рабочего класса СССР не должно быть места в рядах ВСП.

Вовлечение писателя в «живую жизнь», как источник творчества — вот та задача, которую ставит себе Всероссийский союз писателей.¹¹⁹

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Резолюция

Правление Всероссийского союза советских писателей (Ленинградский отдел) ознакомилось с обвинительным заключением по делу раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной „Промышленной партии“. Эта организация, возглавляемая буржуазными и реакционными профессорами и инженерами, занимавшими ответственные посты в советском аппарате, вступила на путь гнуснейшего предательства революции и Советского Союза, подготавливая разгром всех политических и экономических завоеваний рабочего класса. Международный капитализм, вобрав в себя выброшенные из нашей страны остатки российской буржуазии и ее политических партий, в течение ряда лет создавал и создал наконец внутри Советского Союза свою агентуру, прочно охватившую своими щупальцами сердце экономической жизни страны — ее промышленность. Успехи, а также и неизбежные трудности, связанные со строительством социализма в нашей стране, окруженной со всех сторон фашистскими и империалистическими государствами, — торопят врагов СССР выступить против нас и внушают им призрачную надежду на растерянность и неподготовленность трудящихся Советского Союза отразить готовящийся удар капитализма. Призрачная, обманная надежда международных заговорщиков, у которых история отняла разум и зрение!

¹¹⁹ Публикуется по машинописи (Там же, № 34, л. 1—1 об.).

Суровый меч исторического возмездия поджидает и тех, кто в осажденной крепости революции стремится предательски, воровски открыть ворота врагу, и тех, кто намерен ворваться в эти ворота.

Мы, писатели Советского Союза, вместе со всей страной переживающие ее радости и печали, вместе со всеми трудящимися и советской интеллигенцией, вместе с пролетариатом и коммунистической партией строящие великое здание социалистического общества, гневно протестуем против бесконечных покушений на страну пролетарской диктатуры.

Довольно провокаций, предательств, измен! Пусть будет последним этот список гнуснейших злодеяний, по справедливости вызывающий у всех трудящихся настороженную тень недоверия ко всем интеллектуальным работникам Советского Союза!

Вы, уготовившие себе позорную скамью подсудимых в Верховном суде Республики, знайте, что никогда советская интеллигенция не могла быть и не была с вами в одних рядах. Советская интеллигенция каждым днем своей честной и упорной работы показывает свое подлинное лицо, никак не похожее на лживые маски наглых реставраторов.

Мы призываем всех революционных писателей мира вместе с нами обратить свое негодование против международных организаторов новой кровавой бойни во имя капитала.

Правление Всероссийского союза советских писателей вместе со всей страной выходит на трибуну общественного обвинения.

Правление Всероссийского союза советских писателей предлагает Федерации объединений советских писателей обратиться с призывом ко всем другим литературным организациям присоединить свой голос протеста к настоящему обращению ВССП.

Правление Всероссийского союза советских писателей
(Ленинградский отдел)
Ленинград
12 ноября 1930 г.¹²⁰

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

О перестройке ленинградских литературно-художественных организаций

Трудящиеся Советского Союза, руководимые коммунистической партией, одержали решающие победы в строительстве социализма.

¹²⁰ Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 36, л. 1—1 об.). Резолюция обсуждалась на заседании ЛО Правления 11 ноября 1930 г. Фрагмент опубликован в «Литературной газете» (1930. 20 нояб., № 54. С. 1) в подборке резолюций ЛО ФОСП, Всероскомдрама под общим заголовком «Уничтожить вредителей и провокаторов интеллигенции».

В нашей стране совершается могучая культурная революция, захватившая десятки миллионов рабочих и крестьян.

Выросли новые кадры писателей из рабочих и колхозников, давшие уже ряд выдающихся произведений художественной литературы.

Передовые писатели из среды интеллигенции стали на путь активной поддержки политики советской власти и все более включаются в героическую практику строительства социализма.

Построение бесклассового социалистического общества требует еще большей мобилизации писателей, их творческой энергии.

Дальнейший мощный рост художественной литературы в СССР предполагает коренную перестройку литературно-художественных организаций.

Решение ЦК знаменует крупнейший этап в развитии советской художественной литературы и создает необходимые условия для ее дальнейшего творческого расцвета.

Российская Ассоциация пролетарских писателей и, в частности, ленинградская (ЛАПП), созданные в первые годы НЭПа для укрепления пролетарских позиций художественной литературы, на данном этапе обнаружили в своей работе опасность отрыва от политических задач современности и самоизоляции от лучшей части писателей из интеллигенции, повернувших в сторону пролетариата.

Литературные организации Ленинграда, решительно осуждая всяческие попытки противодействия скорейшему осуществлению решений ЦК, считают делом своей чести ответить на историческое постановление партии повышением идейного и художественного качества своего творчества, еще большим сплочением вместе со всеми трудящимися СССР вокруг ВКП(б) и ее Ленинского ЦК.

Литературные организации Ленинграда постановляют:

- 1) Развернуть работу по участию в подготовке Всероссийского съезда советских писателей.
- 2) Для руководства существующими в Ленинграде и Ленинградской области литературными организациями и проведения подготовительной работы к съезду — создать организационный комитет в составе т<оварищей>:

1. Баузе (предс<едатель>)	11. Белицкий
2. Мартынов (секр<етарь>)	12. Чумандрин
3. Федин	13. Свирин
4. Тихонов	14. Прокофьев
5. Слонимский	15. Лаврухин
6. Козаков	16. Черненко
7. Браун	17. Никитин Ив.
8. Никитин Н.	18. Рафаил
9. Лавренев	19. Дмитриев
10. академ<ик> Марр	20. Скоринко

По поручению ВССП: Тихонов, Козаков, Слонимский, Форш, Каверин,
Никитин, Груздев, Зощенко, Полонская, Браун.
По поручению ЛАПП: Чумандрин, Скоринко, Уксусов, Прокофьев,
Саянов.
По поручению ЛОКАФ: Свирин, Дмитриев, Соболев, Ганибесов,
Калнынь.
По поручению Объединения
пролетарско-колхозных писателей: Смирнов, Черноков, Журба,
Никитин Ив., Бутенко.¹²¹

¹²¹ Публикуется по машинописной копии (Там же, № 7, л. 1—2). Подписи отсутствуют.